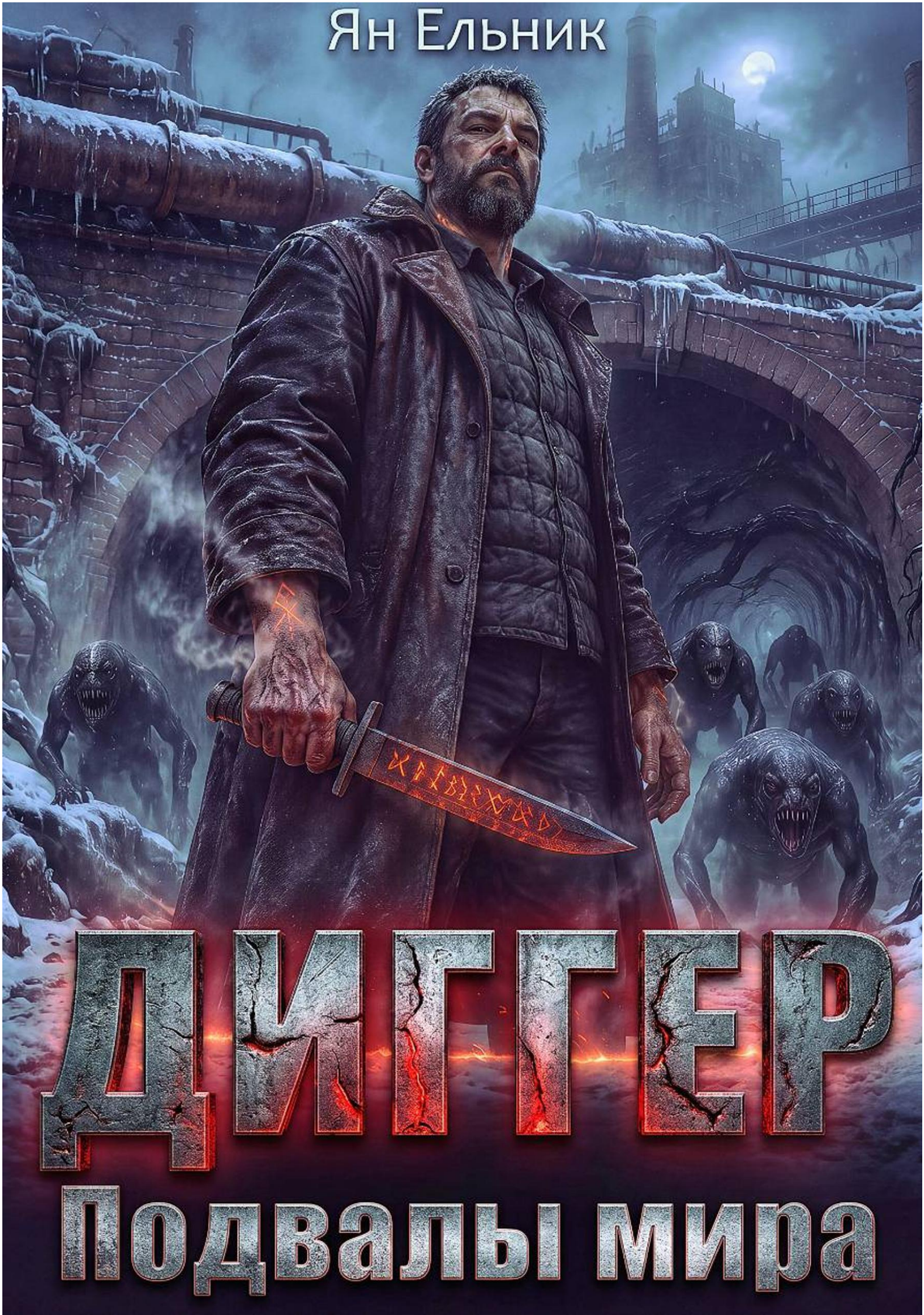
Ян Ельник



ДИГГЕР

Подвалы мира

Ян Ельник

Диггер. Подвалы мира

«Автор»
2026

Ельник Я.

Диггер. Подвалы мира / Я. Ельник — «Автор», 2026

В родном мире он вычищал из подземелий прорвавшуюся нечисть. В уральском Старогорске у него нет ни документов, ни прошлого. Местные зовут его Диггером и считают безобидным контуженным бродягой из теплотрассы, который в любую стужу ходит без шапки и рукавиц, а снег вокруг него тает сам собой.Шесть лет назад он шагнул сюда за самым опасным беглецом из темницы Ордена. Шагнул в мир, где магию намертво перекрыли три тысячи лет назад, и застрял без дороги назад.Шесть зим тварь тихо спала под закрытым советским заводом, пока декабрьской ночью наверху не устроили кровавую разборку две местные банды. Зверь проснулся. Вот только силы самого охотника за эти годы почти иссякли, и в лоб такую падаль уже не взять. До крещенских морозов осталось сорок дней, а единственным напарником в охоте оказывается пьющий заводской инженер, который всю жизнь принимал видимую с похмелья чернь за белую горячку.

© Ельник Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 27
Глава 7 32
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Ян Ельник
Диггер. Подвалы мира

Пролог

Тропический ливень наверху вторые сутки лупил по расколотым плитам старого храма. Мутная тёплая вода сочилась сквозь швы свода, стекала по зелёному от тины ракушечнику и стояла в подземелье по щиколотку.

В висках у Олгара неприятно ломило. Острова Ильмарры насквозь пропитались местным колдовством, и от этой густой чужой силы у пришельца с непривычки ныли зубы и сводило скулы.

А в дальнем углу затопленного склепа висел пятачок плотной тишины.

Одиннадцатый беглец из Колодца, которого звали Пустотником, забился за поваленную колонну. Свет масляной плошки у входа туда не добивал. Вокруг этой твари гасло не только любое заклинание, но и самый обычный звук. Стоило сделать шаг к обломкам камня, как плеск воды под сапогами пропадал, уши закладывало ватой, а воздух делался вязким, словно студень.

Три дня назад эта падаль выпила до дна двух здешних береговых магов, вздумавших накрыть её боевыми плетениями. Для демона Высшего круга, который только чужим волшебством и кормится, их удары стали сытным ужином.

Олгар колдуном не был. В собственном братстве таких, как он, звали роющими. Они не плели кружев из заклятий, а спускались в самые грязные подвалы мироздания и вычищали оттуда прорвавшуюся нечисть.

За пять шагов до поваленной колонны охотник притормозил. Расстегнул на груди просоленный за время морской переправы кожаный плащ и заткнул длинные мокрые полы сзади за поясной ремень, чтобы не путались в воде.

Обычно вокруг него на два хороших шага держался круг жара от Горна. Этот живой незапечатанный огонь двадцать лет назад разожгли в его груди при посвящении, когда из десяти новобранцев на ногах остался он один. Пока внутренний очаг горел ярко, любая мелкая дрянь и свободная Накипь выгорали на подходе. Хлопья чёрной накипной плесени, наросшие поверх сырой тины у входа в склеп, с тихим треском свернулись и осыпались в воду серой золой ещё в ту минуту, когда Олгар вошёл под своды.

Но в драке с Пустотником этот жар работал против самого стража. Любая выпущенная наружу искра лишь прибавляла зверю сил.

Олгар глубоко вдохнул и мысленно прикрыл заслонку под рёбрами. Прижал собственное пламя к самым костям, оставив лишь крохотный тлеющий уголёк, чтобы сердце продолжало гонять кровь по венам. Знаки под старыми шрамами на спине и предплечьях сразу остыли. Под мокрой, липнущей к телу рубахой пробрал озноб, а на плечи и поясницу навалилась копившаяся за четыре года погони ломота.

Без огня он ничем не отличался от того девятнадцатилетнего парня из рудников Каррада, каким был до гибели своей первой артели и прихода в Орден. В воде стоял просто очень крупный, жилистый мужик с разбитыми костяшками рук. В правой ладони он сжимал обычное рабочее кайло на длинном ясеневом топорище, подобранное накануне в заброшенной каменоломне острова.

— Вылезай, — негромко позвал Олгар, перехватывая мокрое древко поудобнее. — Жрать тут больше нечего. Светильник пустой.

Собственный голос прозвучал тускло и плоско, как сквозь толстую кошму. Едва стих последний звук, из-за колонны тягуче, по-змеиному вытек плоский безликий силуэт, похожий

на кусок мокрого чёрного войлока. За сутки осады тварь поняла, что дарового огня от человека не дождётся, а сидеть дальше в пустом каменном мешке значило выдохнуться до конца.

Пустотник метнулся вперёд без замаха. Уворачиваться на мыльном от тины ракушечнике Олгар даже не пробовал, зная, что в потёмках демон всё равно окажется проворнее.

Он намеренно принял первый косой выпад на левое плечо в толстой куртке из дублёной шкуры, коротким толчком корпуса сбил тварь с шага и с полуоборота всадил четырёхгранный стальной клевец кайла в густую середину тени.

Железо вошло туго, со скрипом, и силуэт отшвырнуло на мокрую кладку. Одновременно левое плечо Олгара обожгло острой болью. Когти твари пропороли промасленную кожу куртки, достали до мяса и влили в рану жгучий холод пустоты, жадно шаря по жилам в поисках запрятанного Горна, но натыкаясь только на обычную человеческую кровь.

Не давая Пустотнику собраться и стечь по стене в воду, Олгар шагнул следом. Загнал демона в узкую щель между каменной гробницей и несущей опорой и принялся работать кайлом и кулаками. Бил коротко, по старой шахтёрской привычке, которую годами вбивал в него покойный Хальвар. Удар древком по вытянутым теневым лапам, перехват, тычок плоским бойком в середину туши, а потом навалиться всем весом и придавить левым коленом к щербатому полу под мутной водой.

Тварь выгибалась под ним, пыталась достать пальцами до глаз, искала в его груди хотя бы каплю открытой магии, чтобы напиться и сбросить человека со своей шеи.

Ничего она не нашла. Только солёный пот на губах, текущую по левому рукаву тёплую кровь да упрямство каррадского рудокопа. У каждого из сбежавших узников имелась своя заноза и своё единственное условие, без которого их не брала печать. Эту падаль нужно было выморить голодом и забить врукопашную, не зажигая ни единой искры.

Когда чёрный силуэт под водой перестал дёргаться и пошёл рваными серыми трещинами, Олгар разжал пальцы правой руки, роняя кайло на камни, и выдернул из ножен у пояса Вешку.

Ладонь привычно легла на выемки потёртой костяной рукояти ножа, доставшегося ему от наставника. До этой минуты знаки на тёмном металле лезвия оставались слепыми и холодными, ведь полную сил тварь они бы не удержали. Теперь, когда демон выдохся без чужого колдовства и ослаб до предела, прорезанные в стали борозды сами налились тусклым багровым светом.

Короткий удар сверху вниз вогнал клинок по самую крестовину в середину расплывающейся под водой тени.

Внутри металла что-то щёлкнуло, и следом сработала тяга.

Запечатанный демон сам потянул клинок к себе домой, на дно своей темницы. Вокруг правой кисти Олгара, сжимавшей рукоять, воздух завертелся серой воронкой. Такой проход всегда открывался ровно на одного человека и держался лишь пару ударов сердца, пока нож не уйдёт за грань. Закон роющих был прост. Держись за рукоять, и клинок сам вынесет тебя обратно в Колодец без всякой платы.

Оставаться на дождливых островах было незачем. Олгар покрепче перехватил ребристую кость рукояти и позволил рывку выдернуть себя из тёплой воды склепа.

Прелый запах тины и шум ливня оборвались разом, будто над головой захлопнулась тяжёлая шахтная ляда.

Вокруг раскинулось Междумирье, те самые подвалы мироздания, где не существовало ни неба, ни солнца, ни привычного верха и низа. Чёрные базальтовые галереи уходили в бездонную темень и переплетались между собой, как старые выработки заброшенного рудника, а время текло лениво, в двадцать раз медленнее, чем в живых краях. Освещали эти переходы только бледно-зелёные ядовитые разводы Накипи на сводах. Веками этот осадок из человеческого страха, боли, злобы, вины и невыплаченных долгов просачивался сквозь стены миров, копился в трещинах камня и рождал в темноте новых тварей.

Подошвы сапог тяжело стукнули о каменный настил верхнего яруса Колодца.

Здесь порода держала ноги крепко. Посередине круглого зала зиял широкий провал, уходящий на двенадцать ярусов вглубь. Окружавший шахту барьер из чёрного базальта до сих пор хранил следы недавнего прорыва. Три толстых звена удерживающей цепи валялись на полу вывороченными вместе с кусками камня, а на плитах темнело широкое бурое пятно, которое никто не стал оттирать.

На этом самом пятне четыре года назад по счёту внешних миров, а здесь меньше трёх месяцев назад, стоял на своей вахте Хальвар. Он пытался в одиночку удержать разом открывшиеся двенадцать ярусов и погиб.

Совет Хранителей, не найдя у провала никого другого, списал измену на мёртвого мастера, которому при переходе на покой только недавно выдали новый клинок. Олгару, носившему прежнюю учительскую Вешку, приказали зачищать прорыв одному и без всякой подмоги. Вернёшь всех двенадцать беглецов в клетки, тогда и смоешь грязь с имени наставника.

Едва ступив на край помоста, Олгар ноздрями поймал в холодном воздухе зала тонкую, едкую струйку запаха из боковой галереи, уходящей от Колодца к перекрёстку троп. Вместе с духом прелого зерна оттуда несло золой и мёртвой, выжженной до дна пустотой, где не теплилось ни единой магической искры. Во всём мироздании имелось только одно такое место, а два часа назад по здешнему счёту, когда он уходил по этому коридору за Пустотником, стены там были ещё целыми.

У разбитого барьера, опираясь на длинный железный посох, дежурил старший Хранитель Торвальд, костлявый старик с выцветшими добела бровями, который сам когда-то отходил по тропам четыре десятка лет. Поодаль, в тени массивных опор, полукругом стояли ещё трое Хранителей в длинных тёмных плащах. Стоявшим у самого провала стражам тяжёлый смрад двенадцати ярусов темницы перебивал всё остальное, а вот Олгар у входа в галерею сразу выделил знакомую гнильцу.

Подойдя к каменному борту шахты и всё ещё глубоко дыша после схватки в воде, он протянул Вешку рукоятью вперёд. Багровые знаки на металле часто наливались светом, удерживая внутри бьющуюся тень Пустотника.

Торвальд принял клинок, опустил его остриём в узкую щель барьера и повернул запорное кольцо. Камень под подошвами коротко вздрогнул, когда пленник провалился на свой седьмой ярус, а лезвие снова сделалось чистым и тёмным.

Освободившейся ладонью Олгар по привычке прижал рану на левом плече, сквозь распоротую куртку пропитав пальцы горячей кровью, и поднял глаза от плит. У дальней опоры в глубине зала он перехватил взгляд одного из троих Хранителей. Через левый висок к скуле у того человека тянулся старый белесый рубец.

Хранитель смотрел на Олгара не моргая, холодно и придирчиво, прикидывая на глаз, сколько ещё вёрст протянет надорвавшийся в упряжке конь. Именно этот человек громче всех на Совете требовал заклеймить Хальвара пособником побега и гнать его ученика по следам без передышки.

Олгар отвернулся первым, приняв эту тяжёлую приглядку за обычное высокомерие старейшин перед выучеником опального мастера.

— Одиннадцать, — негромко сказал Торвальд, возвращая потемневший клинок Хальвара. — Быстро роешь, сын Бора. Но Горн в тебе просел до углей. Пережди смену у камня.

— Не могу, — Олгар вытер окровавленную ладонь о заткнутую за пояс мокрую полу плаща, принял Вешку и убрал её в ножны. — Двенадцатый не ждал, пока я буду спать. Он ждал, пока я выдохнусь на этих одиннадцати.

— Куда прыгнул Первородный?

— За каменную печать. В мир, который вы закупорили три тысячи лет назад.

Торвальд сдвинул седые брови, а тот, со шрамом у виска в глубине галереи, чуть подался вперёд, вслушиваясь в каждое слово.

— Туда нет хода по тропам, Олгар, — медленно произнёс Хранитель у барьера. — И магии там нет, одна ржавчина да пепел. Спустишься с пустым Горном, и обратно Вешка тебя не вытянет, пока не возьмёшь зверя. А там ты никто.

— Там его и возьму, — твердо ответил Олгар.

Ждать чужих уговоров он не стал. Быстро зашагал с помоста в ту самую боковую галерею, откуда тянуло прелым пеплом. За первым же поворотом коридора в базальтовой стене ещё курился узкий, оплавленный по краям след двенадцатого беглеца, старейшего и самого опасного из всех, кого держали цепи Колодца.

Пока охотник четыре года мотался по внешним краям, вылавливая одиннадцать приманок, Сеятель отсиживался в отнорках Междумирья, терпеливо выжидая час, когда страж растратит свой огонь, а потом нырнул туда, где сила преследователя должна была погаснуть сама собой.

Перед змеящейся в камне расщелиной Олгар выдернул из-за пояса тяжёлые полы плаща, запахнул их на раненом плече, коснулся пальцами правой руки костяной рукояти учительского ножа и шагнул в пролом.

Рывок выдрал почву из-под сапог, швыряя охотника в ледяную, выжженную до дна пустоту.

Глава 1

В восьмом часу утра декабрьская темнота над Старогорском неохотно серела, сменяясь мутной студёной хмарью. С городской ТЭЦ низким ветром несло угольную гарь, а на ржавых фермах завода «Уралмехдеталь», закрытого ещё в девяносто восьмом году, с хриплым карканьем рассаживались вороны. За бетонным забором с остатками колючей проволоки темнели провалившиеся крыши административного корпуса и третьего механосборочного цеха.

— Эй! Борисыч, вставай, уши отморозишь! — седой патлатый старик в потёртом овчинном тулупе схватил за плечо спящего товарища и принялся тормошить.

— Кочан, отвянь. Ща в глаз дам, — человек, лежавший на промёрзшем заснеженном асфальте у кирпичного устоя эстакады, небрежно отмахнулся тяжёлой рукой.

— Ну ты чо? Ё-моё! Совсем ум отморозил? На улице минус двадцать. Вставай, говорю! — Кочан, а по паспорту, оставшемуся в прошлой жизни, Степан Фёдорович Кочанов, приплясывал в стоптанных валенках над своим другом.

Тот лишь недовольно промычал в ответ и уткнулся щекой в свёрнутый брезентовый мешок со старыми газетами. Спал он в своём неизменном тёмно-сером ватнике под распахнутым кожаным плащом и без всякой шапки. Вокруг его тела на два хороших шага снег на асфальте подтаял ровным кругом и взялся ноздреватой ледяной коркой.

Степан растерянно всплеснул рукавицами, прищурился на часы, сквозь поцарапанные очки с левой дужкой, перемотанной синей изолентой. Старые отцовские «Командирские» с треснувшим пластиковым стеклом, показывали без десяти восемь. Старик с досадой крякнул.

Отойдя к заснеженному устою, он присел на корточки, привалившись спиной к грязному кирпичу. В свои шестьдесят два года стужу он переносил паршиво. Со вчерашнего вечера во рту стояла кислая горечь от дешёвой водки, поясницу ломило, а на седой щетине у рта намерзал белый иней от дыхания.

— Слышь, Борисыч. Я, конечно, всё понимаю, ты любишь спать где попало, но сейчас же не май месяц. Если тебе ухи не жалко, пальцы хоть пожалей. Как же ты без них? — Кочан снова попытался дозваться товарища, но услышал в ответ только невнятное бурчание.

Странный, конечно, у него был напарник. Пять лет как знакомы, а что у человека на уме, так и не разберёшь. Вечно угрюмый, неразговорчивый, с жёстким северным выговором. Борисыч водку в рот не брал, зато каждую ночь лазил по самым гиблым подвалам, ливнёвкам и старым демидовским выработкам под заводом.

Степан Фёдорович по старой привычке бывшего заводского технолога подозревал, что тот выискивает под брошенными цехами купеческий клад или списанную техническую платину, о чём однажды в лоб и спросил. Получил в ответ короткую ухмылку, так и не поняв, угадал или нет.

На полуоткрытый люк теплотрассы за углом эстакады Кочан старался не глядеть, но взгляд с похмелья сам цеплялся за чугунный обод. Там, откуда Борисыч вылез час назад, по бетонному кольцу до сих пор расползались подпалённые чёрные хлопья, похожие на ошмётки горелого мазута, и на глазах осыпались вонючей серой золой.

Заикаться об этой чертовщине вслух старик зарёкся ещё в девяносто девятом году, когда погиб его Серёжка и после рассказов про живую копоть за печкой Степана Фёдоровича на месяц упекли в дурдом. На трезвую голову он видел в потёмках только мутную рябь, а с похмелья вся эта дрянь вылезала во всей красе, так что язык лучше было держать за зубами.

Посидев немного у стены, старик стащил с правой руки рукавицу, сунул её за поясной телефонный провод и, опустившись перед спящим на колени, потрогал его раскрытую кисть.

Большие натруженные ладони со сбитыми костяшками и старыми светлыми шрамами у запястий и не думали замерзать. Наоборот, от кожи пыхало таким печным жаром, что на

двадцатиградусном морозе поднимался тонкий парок. Руки были как у старого шахтёра, и даже после пяти зим на теплотрассах медвежья сила из этих плеч никуда не ушла.

Олег Борисыч, которого у коллекторов прозвали Диггером, с людьми не любезничал, зато за пять лет Кочана ни разу пальцем не тронули, а раньше и недели не проходило, чтобы его кто-нибудь у приёмки не отметелил.

— Ну вот, у тебя жар! Говорил же, простудишься, — по-своему рассудил Степан.

— Вот же приставучий! Кочан, у тебя зубы лишние? — заспанным, осипшим голосом проскрежетал любитель поваляться на снегу, приоткрывая один тёмный глаз.

— Тю, нашёл чем пугать! У меня уж половины зубов нету, одни пеньки шатаются. Вставай давай, сейчас медяшку из-под люка сдадим и пошли в «Берлогу». Там выспишься, — Степан подал товарищу руку и, кряхтя, изо всех сил потянул на себя, помогая подняться.

Борисыч спорить не стал. Смекнул, что старик всё равно будет торчать рядом до посинения и мигом схватит воспаление лёгких. А болеть при их жизни нельзя, ни денег на аптеку, ни паспорта для больницы у Кочана давно не водилось. Это Олег мог часами валяться на мёрзлой земле после ночной вылазки и вставать без единого чиха, а обычному человеку такое бы даром не прошло.

Только уйти спокойно им не дали. Со стороны железнодорожной насыпи по мёрзлому шлаку заскрипели чужие шаги, и из-за бетонного короба трассы вывернули двое местных шакалов с нижней слободки в засаленных пятнистых бушлатах и с прутами рифлёной арматуры в руках.

Старший, рябой детина с перебитой губой, окинул жадным взглядом крепкие кожаные берцы Олега, который как раз отряхивал от снега свой брезентовый мешок, и сплюнул в снег.

— Слышь, дед, отойди, не твоя территория, — буркнул рябой, когда встревоженный Кочан поспешно шагнул вперёд, заслоняя товарища. — Мужик в хороших берцах…

— Ребята, да вы чего, это ж Борисыч, которого у люков Диггером зовут, — зачастил Кочан, пятясь на полшага, но с тропинки не уходя. — У него и взять-то нечего, кроме газет вчерашних да ножа сапожного…

Снег за спиной старика коротко хрустнул. Олег шагнул к плечу Кочана, расправив широкую грудь в расстёгнутом у ворота ватнике. Он был на полголовы выше рябого и смотрел на обоих тяжело, без следа недавней сонной одури.

— Уйдите, — ровно сказал он. — Железо в другом месте лежит.

— А ты кто такой, чтоб указывать? — огрызнулся рябой уже без прежнего нахрапа, косясь на парящие на морозе кулаки бородача.

— Тот, кто вас трогать не хочет. Пока что.

Молодой сборщик первым опустил арматуру к ноге и дёрнул старшего за рукав, буркнув, что связываться с этим контуженным из коллектора себе дороже. Через полминуты оба уже торопливо шагали прочь вдоль насыпи к товарной станции.

Кочан шумно перевёл дух, натянул рукавицу обратно и покосился на поваленную бетонную плиту заводского забора в тридцати шагах от эстакады, куда после ухода грабителей почему-то повернулся Борисыч.

— И какого чёрта тебя вообще понесло к этому заводу? — проворчал старик, с опаской озираясь по сторонам. Не любил он это гиблое место. — Тут ещё в девяностых всё подчистую вынесли, даже обрубка кабеля не откопаешь. Мужики вчера у ларьков трепались, что тут люди пропадать начали. Будто ночью две бригады по дурости полезли туда бабки делить, место дикое, менты не суются. Так никто обратно и не вышел, человек двадцать разом сгинули.

Кочан замолчал и нервно облизнул потрескавшиеся на морозе губы. Порывистый ветер завывал в выбитых окнах третьего цеха и старого административного корпуса, разнося по пустому двору ледяную крупу.

Диггер вдруг замер на полушаге. Ноздри его широко раздулись, втягивая в морозном сквозняке какой-то незримый для старика дух. Правая ладонь со старыми шрамами у запястья сама собой скользнула под распахнутый плащ и полу ватника к поясу, плотно ложась на костяную рукоять длинного тяжёлого ножа, у крестовины которого в тусклом утреннем свете темнели странные угловатые знаки.

— Ты слышал? — голос у него стал низким.

Степан напрягся, вслушиваясь в утренние сумерки.

Где-то в глубине разрушенного заводского корпуса за забором протяжно заскрежетали ржавые вентиляционные короба. На обычный скрип кровельного железа под ветром это не походило. Звук был такой, словно внутри промёрзшей трубы протащилось что-то грузное, длинное и гибкое, сминающее металл изнутри.

— Да ну, это крысы… — начал было Кочан, но Диггер резким жестом поднятой руки оборвал его на полуслове.

Глава 2

К четырём часам дня декабрьские сумерки прижали Старогорск к земле. Над промзоной повис серый морозный чад, а у поваленной бетонной секции заводского забора, откуда утром тянуло тревожным сквозняком, теперь мигали синими огнями два полицейских «бобика».

Всё началось на рассвете. Едва в пустом корпусе за оградой затих предрассветный скрежет, с другой стороны завода, у старого переезда, заорали путевые обходчики. Наткнулись у въездных ворот на брошенный внедорожник с выбитыми стёклами, бурыми брызгами на истоптанном снегу и россыпью автоматных гильз, уходившей в распахнутый створ третьего цеха.

Через четверть часа к пустырю с воем примчались дежурные машины, поэтому лезть через ограду при свете дня на глазах у зевак Олгар не стал. Вместе со Степаном они вытащили из-под люка припрятанную медь, сдали её приёмщику, и до самой темноты охотник караулил оцепление издали.

Трупов наверху полицейские так и не нашли, хотя до вечера прочёсывали первый этаж корпуса с фонарями и обматывали задний забор полосатой лентой. Зато у пивных ларьков за товарной станцией подвыпившие мужики уже в голос трепались, что на заброшке не поделили старый долг две городские бригады, положили друг дружку чуть не из двадцати стволов, а покойников потом сами же и вывезли в багажниках.

Олгар слушал эту быструю уличную болтовню вполуха, стоя в тени за углом кирпичной будки стрелочного поста.

За шесть зим на Земле он приноровился к местной речи. Первую зиму запоминал чужие слова на слух у вокзальных костров и на ночной разгрузке вагонов, а когда через год сошёлся со Степаном и Лёвой, по слогам разбирал старые газеты, которыми те растапливали печку.

Выговор всё равно остался жёстким и рубленым, как у всех уроженцев каменистого Каррада, поэтому в долгие разговоры с горожанами он не лез. Да и уличная кличка Диггер, прилипшая у коллекторов, сидела на нём плотнее, чем русское имя Олег Борисович, в которое туговатый на ухо ночной сторож на первой зимовке переиначил его настоящее прозвание Олгар, сын Бора.

К пяти вечера мороз окреп, и следственная группа начала сворачиваться. Простреленную машину ещё в обед утащили на буксире, эксперты погрузили чемоданы в фургон, следом укатил один из УАЗиков. У пролома в ограде оставили только дежурный патруль с заведённым мотором. Двое молодых сержантов в тулупах забрались в тёплую кабину, дымили в приоткрытую форточку и лениво щурились на огороженный лентой пустырь, досиживая смену.

Ждать дольше смысла не было. Олгар поправил на плечах тяжёлый кожаный плащ, надетый поверх тёмно-серого ватника, и мягко, стараясь не хрустеть настом, спустился с насыпи в заснеженную бетонную канаву ливневого стока. Лоток тянулся низом по дну лога, в обход патрульной машины, и нырял под покосившуюся эстакаду к круглому жерлу заводского коллектора.

Сзади в мёрзлом бурьяне торопливо зашуршали валенки и послышалось сиплое стариковское сопение.

Степан не отстал. Весь день старик крутился рядом, поминутно поправлял очки с перемотанной синей изолентой дужкой на покрасневшем от ветра лице и косился на заводские ворота так, словно чужие люди делили там без него хозяйское добро.

Не оборачиваясь, Олгар шагал по дну жёлоба. Здесь, в низине, куда из трубы под третьим цехом выбивался тёплый пар с примесью горелого мазута, утренний запах проступил в полную силу.

В Междумирье рабочее чутьё роющего брало след за несколько вёрст. За намертво запечатанной крышкой Земли всё обрезало в десятки раз. Магию из этого мира выкачали до дна

три тысячи лет назад, и собственный Горн под рёбрами все эти годы едва тлел, согревая кровь да ладони. Нюх тоже притупился и работал от силы шагов на пятьдесят, не дальше.

За шесть долгих зим охотник облазил каждую щель под городом, выжигая по углам мелкий накипной сор и слепых Тленей, которые сами собой заводились вокруг людского горя, пьяной злобы и случайных смертей. От той мелкой падали всегда несло одинаково, тухлятиной и горелой тряпкой.

Сейчас из коллектора под цехом тянуло совсем иной гнилью. Сквозь привычную вонь ржавой воды и промёрзшего шлака пробивался сладковато-гнилой дух прелого зерна вперемешку со старой запёкшейся кровью.

Ошибки быть не могло. Так пах только двенадцатый беглец из Колодца. Первородный, из-за которого шесть лет назад охотник прыгнул в этот отрезанный от троп край без обратного билета. Все эти годы тварь пролежала на глубине без движения и единого выдоха, ничем себя не выдавая, а минувшей ночью наверху пролилась большая кровь, и зверь проснулся.

Под подошвами захрустел бурый наст замёрзшей наледи у самого входа в трубу. Свод бетонного канала зиял впереди чёрной пастью, прикрытой наполовину вывернутой железной решёткой.

У проржавевших прутьев Олгар притормозил, развернулся и широкой грудью перекрыл старику дорогу.

Кочан едва не ткнулся носом в его ватник, проскользив стоптанными валенками по обледенелому бетону. От старика разило махоркой и сивухой. Днём после сдачи меди он всё-таки улучил минуту и опрокинул за углом приёмки стопку для сугрева, и теперь за мутными стёклами очков беспокойно бегали покрасневшие глаза.

— Борисыч, да ты один там в потьмах шею свернёшь! — горячо зашептал Кочан, цепляясь замёрзшими пальцами за мокрую полу его плаща. — Я ж на «Мехдетали» восемнадцать лет технологом оттрубил, с восьмидесятого до самого закрытия! Я под этими цехами каждый приямок помню… ну, почти каждый. Возьми в долю, мне много не надо!

Старик намертво вбил себе в голову, что ночная бойня в корпусе случилась из-за того самого купеческого клада или ящиков с технической платиной, которые его молчаливый напарник якобы выискивал под землёй все пять лет их знакомства.

Олгар глянул сверху вниз на его жилистую, морщинистую шею в облезлом овчинном воротнике. Смертных из закрытого мира в охоту не тянут. Для того, что шевельнулось внизу под этим заводом, шестидесятидвухлетний старик с надорванным сердцем был даже не помехой, а лишним глотком тёплой крови на один укус.

— Там нет доли, Степан, — Олгар осторожно, чтобы ненароком не хрустнуть хрупкими старческими костями, но твёрдо отцепил его руку от своего рукава. — И золота там нет.

— А чего ж там тогда? Из-за чего братва Лисовского ночью друг дружку покрошила?

— Из-за того, от чего тебе надо держаться за три версты. Иди в «Берлогу». Грейте чай с Профессором. Если к утру не вернусь, к заводу больше не подходи.

Чуть подавшись спиной в проём решётки, Олгар освободил себе место для разворота. Кочан отступил на шаг, обиженно шмыгнул сизым носом и заглянул мимо плеча товарища в чёрную кишку коллектора, откуда несло тухлой водой.

Под хмельком старик вдруг отчётливо разглядел, как глубже в трубе, куда достало невидимое тепло Борисыча, с тихим треском сворачивается и осыпается серой золой чёрная накипная бахрома. Кочан невольно передёрнул плечами и спорить больше не полез.

— Да как же я не подойду-то… — буркнул он в спину напарнику, когда тот боком протиснулся за отогнутые прутья.

Не отвечая, охотник шагнул в глубь канала. Дождался, пока затихнет недовольное ворчание и шарканье валенок уходящего по канаве старика, и только потом двинулся дальше.

За первым же изгибом трубы темнота сомкнулась так плотно, что пальцы вытянутой руки исчезли в черноте. Свет станционных прожекторов сюда не добивал. Под тяжёлыми подошвами берцев чавкала незамерзающая ржавая жижа вперемешку с битым кирпичом, а впереди, где советская бетонная врезка переходила в старую сводчатую кладку под фундаментом третьего цеха, размеренно капала грунтовая вода.

Заведя правую полу ватника и плаща за устье ножен на поясе, чтобы освободить костяную рукоять Вешки для быстрого хвата, Олгар поднял левую кисть на уровень глаз.

Пришлось глубоко вдохнуть и с усилием раздуть тлеющие под рёбрами угли, выгоняя огонь на кожу. В Междумирье или на островах Ильмарры по одному его желанию над ладонью взметнулся бы яркий факел в полруки высотой. Здесь, под прессом выжженного мира, старые рунные шрамы на запястье лишь тускло налились краснотой изнутри, а на самых кончиках загрубевших пальцев с коротким потрескиванием зажглась маленькая рыжая искра, не ярче спичечного огонька.

Глазам роющего хватило и этой малости.

Олгар поднёс светящиеся пальцы к стыку бетонного кольца с каменной кладкой на уровне плеча и медленно повёл рукой вдоль стены.

Таких отметин не могли оставить ни автоматные пули, ни воровские ломы. По сырому бетону и вывороченным из швов чугунным скобам спуска тянулись глубокие, в два пальца шириной борозды с оплавленными, почерневшими краями. Минувшей ночью толстые, гибкие корни, распалённые пролитой наверху кровью, ударили снизу из старого ствола и распёрли каменную кладку, сминая железо на своём пути.

Обычная мелкая плесень осыпалась бы пеплом ещё в двух шагах от груди стража, но эта плотная, застывшая на камне смола Первородного держалась крепко. Лишь когда Олгар вплотную поднёс зажжённую на пальцах искру к краю рытвины, чёрная корка неохотно зашипела от живого огня и пустила тонкую струйку вонючего сизого дыма.

Тусклый огонёк на ладони выхватил из темноты уходящий вниз, в провал демидовских выработок под цехом, жирный смоляной след.

Глава 3

Чем ниже уходили выщербленные ступени старого водоотлива, тем гуще и тяжелее становился воздух. Сквозняк из верхней ливневой трубы сюда уже не добивал.

На восьмой сажени под промёрзшей землёй стояла плотная тишина заброшенного рудника. Только редкие ледяные капли срывались со свода и звонко цокали в камень.

Рыжая искра на кончиках пальцев левой руки высвечивала не больше двух шагов вокруг. Из темноты выступали почерневшие от сырости брёвна крепи да грубо тёсанные стены верхнего яруса демидовской штольни. Подошвы берцев мягко, без стука ложились на мокрый щебень, а правую ладонь Олгар держал у пояса, на открытой костяной рукояти Вешки.

Чёрный смоляной мазок, замеченный наверху у бетонного стыка, тянулся по боковому штреку под самый фундамент третьего механосборочного цеха.

Шагов через пятьдесят потолок выработки пошёл вверх, к старой вертикальной шахте заводского слива из подвальных приямков цеха. Нижний край кирпичного колодца был вывороченизнутри. Под ним громоздилась свежая куча гнилых досок, ржавой арматуры и битого бетона.

У края осыпи Олгар притормозил и поднял светящуюся кисть повыше.

Наверху, над этой самой горловиной, прошлой ночью и били очередями. По чугунным стоякам слива из пробитого подвала до сих пор змеились густые бурые потёки. На каменном полу штольни, куда рухнул кусок подвального настила, в липких лужах сверкали латунные автоматные гильзы, валялись клочья дорогого пуховика с волчьим мехом на воротнике и раздавленный каблуком пластиковый корпус телефона. Под подошвой Олгара противно хрустнуло выбитое экранное стекло.

Самих убитых у завала не было. Зато от битого кирпича по мокрому известняку уходили вглубь широкие полосы волока, обрываясь у глубокой ниши в дальней стене штрека.

Водя огоньком вдоль породы, охотник шагнул к этому углу.

Шесть зим назад, в первый свой месяц в Старогорске, он дважды проходил по соседней выработке в двадцати шагах отсюда. Тогда вся эта выемка была доверху забита серым ноздреватым камнем, неотличимым от обычного уральского известняка. Ни духа, ни тепла, ни малейшего отклика на огонь роющего тот пласт не давал.

Теперь каменный нарост в нише был вскрыт изнутри, как огромная лопнувшая скорлупа.

Присев у пролома, Олгар убрал ладонь с рукояти ножа и поскрёб ногтем холодную серую кромку внешней стенки. Мёртвая, окаменевшая Накипь. На старых тропах Междумирья сброшенная демоническая шкура без подпитки точно так же каменела за несколько лун и становилась невидимой для любого чутья.

Первородный шесть лет пролежал у него под самым носом, запечатав себя в мёртвый известковый панцирь. Эта же серая каменная корка толстым бугристым наплывом залила весь правый угол стены рядом с нишей, похоронив под собой старую заводскую кладку со всеми её прежними щелями и трубами.

Зато изнутри развороченного мешка шибало свежей бойней.

Внутренние стенки лопнувшего кокона лоснились от густой чернильной слизи. Там, где до неё достало невидимое тепло груди Олгара, верхняя плёнка на изломе тихо зашипела и свернулась сизым пеплом, но глубже в яме стоял тошнотворный чад прелого зерна, пороховой гари и выпотрошенных внутренностей. На дне в чёрном студне бугрились вдавленные в смолу останки семерых человек. Вытянутые до плоских костей и пустой серой кожи оболочки в лохмотьях зимних курток.

Пьяные разговоры у ларьков про двадцать трупов приврали втрое. Семерых крепких мужиков, чья кровь ночью хлынула по сливной трубе вниз и разбудила спящую в камне тварь, корни утащили через проломленный приямок в эту нишу и выжрали до последней капли.

Олгар сплюнул под ноги и поднялся во весь рост.

Рухнула главная надежда, которой он жил эти шесть лет. Пробой каменной печати закрытого мира выжимает любого беглеца почти до дна, в первые недели после падения даже Первородного можно было достать одним клинком. Но Сеятель не полез наверх голодным. Он переждал облаву в каменной скорлупе под мёртвым цехом, а прошлой ночью до отвала нажрался горячей крови и предсмертного ужаса семерых человек.

Зверь внизу снова набрал полный вес. А у самого Олгара за шесть зим в выжженном мире под рёбрами осталось угля на два хороших выдоха.

От пустой скорлупы след раздавшейся туши уходил дальше по уклону, к старому водосборному колодцу в самом низком углу выработки. Квадратный каменный зумпф, вырубленный ещё горняками для отвода грунтовых вод и надстроенный сверху советским бетонным кольцом.

Подойдя к срубу, охотник вытянул левую руку над ямой.

Воды на дне зумпфа не было. Нижняя плита оказалась проломлена страшным ударом сверху. Из развороченного каменного дна под крутым углом уходил в коренную породу свежий широкий лаз, которого не существовало ни на одном заводском чертеже. Оттуда, с глубины ещё двадцати с лишним метров, из-под самой подошвы горы, несло жаром и сладковатым смрадом живого Гнезда.

Добрался до печати. Тварь пробила себе отвесный спуск на самую рунную крышку запечатанной земной Жилы.

Перешагнув через обломанный край бетонного кольца, Олгар упёрся правой ладонью в мокрый борт и по скользким уступам породы полез в пробитую шахту, подсвечивая себе искрой.

Спуститься удалось всего на сажень с небольшим.

В трёх метрах ниже дна зумпфа наклонный ствол намертво запирала шевелящаяся чёрная пробка. Десятки бугристых корней толщиной в обхват переплелись между собой, распирая каменные стены. Набухшие от выпитой ночью крови, они медленно перекатывались под тусклой маслянистой корой и закрывали спуск к нижней камере плотнее любой стальной решётки.

Когда край невидимого двухметрового круга его тепла задел верхнее сплетение, ближайший отросток злобно зашипел, выпустил вонючую струйку дыма и на пол-локтя втянулся вниз, уходя из-под жара.

Но за ним в темноту уходили десятки метров такой же сытой, живой чащи. Обычного тепла груди на такую толщу не хватало, оно лишь слегка подпаливало верхнюю шкуру. Чтобы прорубиться сквозь эту живую запруду до дна, пришлось бы жечь корни открытым пламенем ладоней, шаг за шагом выжигая себе ступени.

Упёршись каблуком в узкий выступ стены, Олгар вытащил из ножен Вешку.

Знаки вдоль матового чёрного обуха и широкого лезвия отозвались на близость хозяина Гнезда. Только вместо густого багрового пламени, каким клинок полыхал на островах Ильмарры, руны сейчас едва тлели рыжим угольком, вполовину слабее прежнего.

— Не пробить, — негромко буркнул Олгар в едкий полумрак шахты. — Слышишь, Хальвар? Пока я эту чащу до дна прожгу, у меня внутри одна зола останется. Выйду к нему пустым, с холодным железом в кулаке.

Тяжёлые корни под берцами со скрипом тёрлись о гранит, переваливаясь с боку на бок. Первородный нарочно забил за собой единственную верхнюю трубу, заманивая упрямого рудокопа сжечь последний остаток Горна на слепой рубке в узком мешке.

— В лоб не полезем, — охотник загнал клинок обратно в ножны. — У каждого из одиннадцати была своя щель в панцире. Найдётся и у тебя.

До самой длинной и студёной январской ночи, когда старые печати во всех закрытых мирах истончаются перед зимним поворотом солнца, оставалось тридцать восемь суток.

Олгар сжал пальцы левой руки в кулак, гася искру, и в полной темноте полез по скользким камням обратно наверх.

***

Внизу, под сорокаметровой толщей гранита и сплетённых в живой потолок корней, на древней рунной плите было тихо.

Шаргат, которого сторожа Колодца прозвали Сеятелем, распластал тяжёлое брюхо по тёсаным бороздам камня и десятками слепых усов слушал гору над собой.

Сквозь породу доносилась размеренная, тяжёлая поступь у брошенной наверху скорлупы. Тянуло горьким печным дымком чужого Горна. Шесть зим этот дымок кружил по верхним трубам замёрзшего города, так и не сумев разглядеть зверя под мёртвой коркой известняка.

Горячая кровь семерых двуногих тяжело ворочалась в раздавшихся жилах, а оставленный в подвале восьмой подранок только что встал на ноги и понёс в своей груди первое проросшее зерно на мороз.

Семь старых шрамов от копий на его шкуре затянулись ещё в Междумирье. Три тысячи лет назад первые кузнецы не просто упрятали его на дно Колодца. Сперва они распяли Шаргата на этой самой плите, собственным его мясом и кровью запечатав горловину земной Жилы и сделав поверженного зверя частью замка, прежде чем уволочь в темницу. Шесть зим назад он вырвался из Колодца и вернулся к месту своей древней казни уже хозяином, чтобы вырвать проклятую заглушку с корнем и выпить запертую внизу силу до дна. Только пробить рунный гранит собственными когтями он не мог. Древняя вязь, некогда отлитая на его крови, всё ещё жгла брюхо и не пускала внутрь.

Зато наверху, у края водосборного колодца, постоял и полез обратно тот, кто шёл за ним по пятам из Междумирья.

Рано прибежал рудокоп. Огонь в его груди ещё кусался, палил верхние побеги, не позволяя подпустить человека к самой плите. Сунется напролом сейчас, захлебнётся в корнях на полдороге и сдохнет раньше, чем донесёт свою искру до камня.

Ничего. Ждать оставалось недолго.

Холодное светило наверху сменится ещё тридцать восемь раз, прежде чем зимняя стужа скуёт этот мир до дна и старая печать под брюхом ослабнет. За эти недели новые семена в городе дадут густые всходы. Охотник сам выжжет свою топку по крупицам, гоняясь по мёрзлым улицам за чужими тенями, а когда в груди у него останется лишь последний отчаянный уголёк, дорога вниз откроется сама.

***

Выбравшись по выщербленным ступеням водоотлива к верхнему кольцу, Олгар свернул в боковую галерею теплоузла и вылез наружу через пролом в цоколе третьего цеха.

Мороз сразу схватил колом мокрые полы плаща. Патрульного УАЗика у поваленной секции забора уже не было, сержанты укатили греться в отдел, бросив на кустах оборванный хвост полосатой ленты. Над пустырём сыпала редкая снежная крупа, затягивая дневные отпечатки от полицейских ботинок.

Шагнув с разбитой отмостки в сугроб, Олгар резко затормозил и опустил глаза.

Поверх свежей вечерней пороши, которой не было ещё час назад, когда они со Степаном ныряли в ливневый лоток, вдоль стены цеха шла цепочка свежих следов.

Они тянулись из низкого подвального продуха за грудой битого кирпича, куда днём не полезли патрульные. У самой дыры в снегу валялись сброшенные кроссовки с меховой опуш-

кой и ком бурого бинта. Один из молодых ночных стрелков не попал в кокон на корм. Отлежался во время дневного обыска в подвальном углу, пока под рёбрами пускало корни чужое семя, а минут десять назад от нестерпимого внутреннего жара содрал с ног тесную обувь и пошёл по двадцатиградусной стуже и битому стеклу босиком.

Голые пятки глубоко продавили тонкий наст. Посечённые стеклом горячие подошвы не кровили по-человечески, лишь подтаявший под ступнями лёд схватился мутными бурыми корками с примесью чёрной сукровицы. Беглец постоял минуту у поваленной плиты ограды, ухватившись рукой за торчащий бетонный столб, а потом босиком побрёл через овраг к расчищенной дороге за пустырём.

Олгар шагнул к столбу, разглядывая в жёлтом свете далёкого станционного фонаря бетонную грань.

На мёрзлом камне чернели пять жирных мазков от человеческих пальцев. В ноздри ударил тонкий сладковатый дух прелого зерна, а миг спустя чёрный налёт на столбе, попав в круг тепла охотника, беззвучно скукожился и осыпался на снег серой трухой.

Олгар медленно сжал кулак в кармане плаща и посмотрел в сторону светящихся за пустырём городских кварталов. Первое семя пошло в рост.

Глава 4

Тогда. 6 лет назад (октябрь, первая ночь на Земле).

Переход вышвырнул Олгара из межмировой теснины так жёстко, что в ушах зазвенело.

Колени с хрустом врезались в скользкий каменный жёлоб. Грудь и лицо обдало ледяной вонючей жижей. В первые секунды он не мог ни протолкнуть воздух в глотку, ни разлепить ресницы. Чужая мёртвая тяжесть придавила плечи к самому дну.

Олгар упёрся ладонями в мокрый бетон, с хрипом втянул ноздрями холод и закашлялся, сплёвывая ржавую, отдающую тухлятиной воду.

Вместо привычного гула магии грудь обожгло пустотой. Ничего. Ни единой живой искры в породе, ни тонкого подземного дрожания жил, которое в других краях с колыбели держало роющего на ногах и подпитывало каждый шаг.

Воздух вонял прелой листвой, мокрым железом и угольной гарью, но самой силы в нём не было. Выжженный до голого камня мир, из которого три тысячи лет назад первые кузнецы Ордена вычерпали всё до дна, накрывая здешнюю Жилу Заглушением.

Распоротое в недавней схватке на островах Ильмарры левое плечо сразу заныло под намокшей курткой и тяжёлым дорожным плащом. Ледяная вода просочилась за воротник и противно потекла по позвоночнику.

Олгар попробовал по старой привычке толкнуть к ране внутренний жар, чтобы прижечь рваные края мяса, и стиснул зубы.

Горн под рёбрами, и без того выжженный почти дотла в погоне за одиннадцатью беглецами, под прессом мёртвой земли сжался в комок. В Междумирье по одному его выдоху из ладони била ревущая струя пламени на десяток шагов. Здесь рунные шрамы на правом запястье лишь тускло порозовели, а с кончиков пальцев сорвалась короткая рыжая искра и с шипением сдохла в темноте.

Жечь внутренний уголь в этом краю по пустякам нельзя. Пополнить запас от здешней пустой породы не выйдет.

Глаза постепенно привыкли к потёмкам. Олгар сидел по пояс в осеннем потоке внутри широкой круглой трубы из грубых серых колец литого искусственного камня.

Свод над головой вдруг мелко затрясся. Сверху сквозь толщу земли накатил нарастающий железный грохот. По воде побежала частая рябь, со стыков колец посыпалась каменная крошка. Гул надвигался с такой дурной мощью, словно над самой трубой сквозь породу продирался огромный панцирный червь из нижних ярусов Колодца.

Олгар с непривычной тяжестью в коленях поднялся на ноги и выдернул из ножен у пояса Вешку.

Клинок Хальвара остался чёрным. Ни одна угловатая руна на матовой стали не налилась багровым светом.

Размеренный перестук и тяжёлый металлический лязг прокатились над сводом и начали стихать вдали, оставив после себя запах горелого масла и нагретого чугуна. Не зверь. Какие-то местные повозки на железном ходу.

Олгар сунул холодный нож обратно в ножны и зашагал против течения ручья, чавкая обувью полной волой, к видневшемуся впереди вертикальному колодцу. В серую стену шахты были вбиты ржавые скобы. Он перехватил верхний прут левой кистью, морщась от резкой боли в раненом плече, упёрся правым боком в массивную круглую крышку из чугуна, со скрежетом сдвинул её на брусчатку и вылез наружу.

Ночной октябрьский ветер хлестнул по мокрому лицу мелким дождём со снежной крупой.

Олгар замер на краю широкой дороги, залитой чем-то чёрным и твёрдым, похожим на застывшую смолу, и огляделся.

По обе стороны улицы торчали одинаковые серые коробки из плоских плит в пять ярусов высотой с ровными клетками тускло светящихся окон. Вдоль обочины на столбах покачивались под ветром стеклянные колбы светильников, заливая мокрую грязь мутным жёлтым светом. Ни одного живого дерева с тёплой корой, ни одного знакомого созвездия за низкими рваными тучами.

Из приоткрытой верхней створки окна на первом ярусе ближайшего дома доносились громкие голоса, пьяный хриплый хохот и дребезжание чужой музыки.

Олгар прислушался и мрачно свёл брови. В любом другом мире рабочая привязка Горна за пару минут сама настраивала слух роющего на местный говор. Здесь в голове стояла полная тишина. Здешняя речь лилась из окна непонятной кашей из шипящих и тягучих звуков без единого знакомого корня. Заглушение отняло и эту опору.

Зато за спиной, по ту сторону рельсового пути на высокой насыпи и длинного каменного забора, в низкое небо упирались высокие кирпичные трубы большого завода.

Олгар повернулся к ним и широко втянул воздух ноздрями. Искать нужно там. Если двенадцатый беглец пробил печать этого мира чуть раньше него, затаиться после пробоя Сеятель мог только в самых глубоких старых выработках под теми цехами.

Он уже шагнул к насыпи, когда из узкого тёмного проулка за покосившейся будкой из листового железа со светящимся окошком донеслись частые удары, пьяная брань и надсадный старческий стон.

В мутном пятне фонаря на мокром асфальте лежал на боку худой седой старик в длинном тёмном суконном пальто со светлыми металлическими пуговицами, похожем на старую форменную шинель без знаков различия. Его суконная фуражка с надломленным козырьком валялась рядом в грязной луже.

Трое рослых парней в коротких дутых куртках обступили лежачего и с коротким хэканьем пинали его тяжёлыми ботинками под рёбра и по спине.

Олгар притормозил у ржавого угла будки.

Перед глазами встал старый завет покойного Хальвара. Роющий под землёй всегда стоит один. Любая жалость к случайным людям на тропе превращается в трещину в горной крепи, которая в чёрный час обрушит свод тебе же на голову. Чужой закрытый мир, населённый слепыми однодневками, а где-то рядом в темноте уходит вглубь Первородный.

Разум велел обойти проулок стороной и сберечь силы.

Но старик на земле закрыл разбитое лицо окровавленными ладонями и тонко, беспомощно вскрикнул от очередного удара в живот. И вместо мокрого проулка перед Олгаром вдруг встал задымлённый нижний штрек родного рудника в Карраде, когда ему самому было девятнадцать лет. Тот проклятый день, когда в забой прорвался Глотатель, а старший десятник приказал наспех рубить крепь и валить породу, заживо замуровав за камнями шестерых ребят из его первой артели. Юный Олгар тогда стоял по эту сторону завала, сжимая бесполезное кайло, слушал их затихающие крики сквозь гранит и ничего не мог сделать.

Челюсти охотника сжались до скрипа. Он свернул с тропы и широким тяжёлым шагом вошёл в проулок.

Трое у будки заметили чужака только тогда, когда широкая тень в мокром до пят кожаном плаще накрыла их со спины.

Крайний парень в натянутой на самые брови вязаной шапке резко обернулся с перекошенным от пьяной злости лицом, выхватил из кармана узкий складной нож и без разговоров ткнул лезвием Олгару в правый бок.

В Междумирье страж ушёл бы с линии удара за полвздоха. Здесь собственное тело без привычной подпитки огня оказалось непослушным, словно к локтям и сапогам подвесили по

гире. Олгар запоздал с разворотом на долю секунды. Тонкое лезвие пропороло дублёную кожу куртки под распахнутым плащом и полоснуло по рёбрам неглубоким порезом.

Зато природной силы рудокопа в его плечах Заглушение отнять не могло.

Олгар перехватил вооружённую руку парня за запястье, коротким движением пальцев провернул сустав до хруста кости и швырнул взвизгнувшего подлеца в груду пустых дощатых ящиков у стены.

Второй нападавший попытался с размаху достать его кулаком в скулу, но встретил открытую ладонь Олгара. От короткого тычка в грудину парня оторвало от мокрой земли. Он затылком со звоном впечатался в железную обшивку будки и сполз в лужу.

Третий даже руки поднять не посмел. Поймав спокойный взгляд огромного бородача, в чьих тёмных глазах не было ни злости, ни страха, он торопливо подхватил под мышки своего скулящего товарища с вывернутой кистью и поволок его в темноту междомовых проходов.

Олгар проводил их взглядом, выравнивая непривычно сбившееся после двух ударов дыхание, и посмотрел вниз на старика.

Тот полулежал на мокром камне, прижимая грязный рукав шинели к разбитой губе, и с немым испугом глядел снизу вверх на угрюмого великана в старинном кожаном плаще, от чьих голых широких ладоней со старыми шрамами у запястий в холодном октябрьском воздухе поднимался лёгкий парок.

— Ты кто такой будешь, мил человек? — дрожащим голосом заговорил старик на своём певучем наречии, пытаясь отползти спиной к стене дома. — Из каких краёв? По-нашему не разумеешь, что ли?

Олгар вслушался в чужие слова. Ни один слог не отозвался смыслом в голове, лишь вопрос да суеверный страх считывались по голосу без перевода.

Охотник медленно покачал головой, ткнул загрубевшим пальцем вниз, себе под ноги, на мокрый чёрный настил дороги, и негромко произнёс на гортанном языке горняков Каррада.

— Шаргат. Он упал сюда. Где здесь старые шахты?

Услышав чужую рубленую речь и древнее имя, от одного звучания которого в сыром проулке повеяло могильным холодом, старик побелел лицом. Он торопливо сложил щепотью пальцы правой руки, коснулся ими лба, живота и обоих плеч, боком попятился в тёмный подъезд и с железным лязгом захлопнул за собой дверь.

Олгар остался один под мокрым октябрьским снегом посреди чужого города.

Он вернулся к открытому колодцу на обочине, откуда выбрался на поверхность. Из чёрной горловины шахты вдруг потянуло обратной подземной тягой со стороны дальних заводских труб. Вместе с вонью ржавого стока и мокрого железа из трубы выдохнуло тонкую, едва уловимую струйку знакомого духа.

Олгар склонился над колодцем, втягивая ноздрями сырой воздух. Подземный канал ветвился за рельсовым путём на десятки старых затопленных рукавов, уходивших под заводские корпуса. Но прежде чем страж успел сделать второй вдох и понять, из какого именно ответвления тянет гнилью, тонкая нить запаха оборвалась.

Глава 5

Под землёй в их тупике всегда стояла жара, от которой к утру во рту пересыхало.

Этот заброшенный распределительный узел в четырёх метрах под пустырём Степан Фёдорович отыскал ещё шесть лет назад, за год до встречи с Борисычем.

Жить тут было можно. Особенно когда наверху заворачивало за двадцать. Две толстые магистральные трубы с крутым кипятком от ТЭЦ шли вдоль кирпичной стены. Их обмотали в три слоя вонючей жёлтой стекловатой, а поверх, чтобы не кололась в бока, настелили драные ковры с выцветшими оленями и списанные солдатские одеяла.

В углу на столбиках из огнеупорного кирпича лежали сосновые доски с растрёпанными книжками Льва Ароновича. Посреди бетона на жестяной банке с таблеткой уротропина сипел закопчённый алюминиевый чайник, перебивая дух старой овчины и луковой шелухи горечью заваренного чабреца.

Поджав худые ноги в штопаных шерстяных носках, Кочан сидел на краю топчана и углом фланелевой рубахи тёр треснувшее стекло отцовских «Командирских». Без четверти двенадцать. Чтобы старый механизм не врал от перепадов между уличной стужей и здешней парной, Степан Фёдорович каждое утро ловил сквозь вентиляционную отдушину гудок маневрового тепловоза с сортировки и подкручивал заводную головку ровно на двенадцать щелчков.

Закончив с часами, он тронул на потной переносице очки. Синяя изолента на сломанной левой дужке опять размоталась, липла к виску и противно цепляла седые волоски над ухом.

В двух шагах от него на голом бетоне лежал расстеленный изнанкой вверх широкий кусок старых обоев. Над ним, присев на корточки, горбился Олег Борисыч.

Вторые сутки после того ночного возвращения из-под оцепленного завода напарник спал урывками по часу, даже не расшнуровывая берцы. Он исчеркал серую бумагу огрызком берёзового угля вдоль и поперёк, нанося по памяти все городские коллекторы, ливнёвки и старые демидовские выработки под «Уралмехдеталью». В самой середине листа, где сходились линии под третьим механосборочным цехом, чернел жирный угольный крест.

Старик покосился на этот крест, потом на широкую спину товарища в тёмно-сером ватнике и шумно, с присвистом вздохнул.

С позавчерашней ночи Борисыч разговаривал с ним сквозь зубы. Вернувшись тогда за полночь из заводской трубы с серым, задубевшим лицом, он поднял всех в «Берлоге» и отрубил одним словом. К заводскому забору, к шлаковому оврагу и к старым цехам больше не подходить ни на шаг.

— Вот гляжу я, Борисыч, а в левом-то углу ты накосячил, — не выдержал Степан Фёдорович, подаваясь вперёд на скрипучих досках. — Ты нижний водосброс от кузнечного пролёта на сквозную сбойку со стволом тянешь, а там ещё в восемьдесят четвёртом при капремонте бетонную заглушку на два метра влили. Я ж на «Мехдетали» с восьмидесятого по девяносто восьмой инженером-технологом первой категории оттрубил, сам акт подписывал! Помню каждую задвижку и каждый колодец, да только мне теперь никто на слово не верит. Я, если по совести, с такой собачьей жизни и сам себе через раз верю…

— Проверил я ночью ту сбойку, Степан, — не поднимая головы от обоев, отозвался Олег. — Нет за твоей пробкой хода на нижний ярус. Порода села до самого гранита.

— Так ты бы меня с собой кликнул! Я бы тебе на месте пальцем ткнул, где обводные лотки заложены! — старик вскочил, шаря ногами под топчаном в поисках валенок. — Чего ты один в потьмах лбом о стены бьёшься?!

Напарник положил уголёк на бетон и медленно повернул к нему потемневшее от бессонницы лицо.

— Я позавчера всё сказал. К заводу никто из вас не суётся.

С дальнего лежака, где под тусклой лампочкой, запитанной зажимами от старого танкового аккумулятора, листал растрёпанный том Ключевского Лев Аронович, донеслось деликатное покашливание.

Бывший учитель истории тридцать второй школы, которого вся теплотрасса звала Профессором, поверх узких очков с укоризной уставился на Кочана. В своей аккуратно заштопанной на локтях безрукавке и застиранной водолазке Лев Аронович даже в подземном коллекторе умудрялся держать спину так, словно принимал экзамен у второгодника.

— Степан Фёдорович, голубчик, ну право слово, не заводитесь вы, — негромко произнёс он, закладывая страницу обрывком газеты. — Раз Олег Борисович велел к заводу носа не казать, стало быть, неспроста. После той ночной стрельбы там до сих пор милиция… то есть полиция крутится, да и мордовороты господина Лисовского наверняка рыщут по округе. Зачем нам лишние неприятности?

— Да плевать мне на Лисовского, Лёва! — отмахнулся Кочан, с кряхтением втискивая пятку в жёсткий валенок. — Молчу я, молчу. Нам с Люськой один чёрт до сумерек медяшку со старой больничной ветки на приёмку свезти надо, а то в ларе одна перловка на донышке громыхает. Ванька-то наш где? Обещал ведь с утра санки помочь допереть.

Немой Ваня, сорокалетний безобидный верзила с вечной детской улыбкой на круглом лице и кулаками с добрый кочан капусты, который после давней травмы на лесопилке объяснялся только мычанием да пальцами, в полдень обычно уже сидел у трубы и строгал из берёзовых чурок ложки. Сегодня его длинный лоскутный тюфяк у входа лежал свёрнутым в рулон.

Вверху на железных скобах лаза загремело ведро, посыпалась снежная труха, и в горловину грузно спустилась Люська.

В свои сорок пять бывшая продавщица привокзального гастронома оставалась бабой громкой, разворотливой и на язык невоздержанной. На ней была дутая синяя куртка со сломанной собачкой на молнии, перетянутая поперёк живота ремнём от почтальонской сумки, серый пуховый платок и мужицкие резиновые сапоги с толстыми войлочными чулками внутри.

— Можете не ждать Ивана, — с порога выпалила она, с грохотом ставя у трубы ведро с набранным для чайника снегом и бросая на топчан сетку с подмёрзшей дармовой капустой с овощной базы. — Я его ещё на рассвете у переезда встретила, когда к торговкам ящики таскать бежала. Помычал, показал на пальцах, что смотается до обеда в промзону за старым кабелем в свинцовой оплётке, и почапал с мешком да кусачками. Одевайся давай, Степан Фёдорыч, вдвоём санки попрём, а то Толик в пять часов амбарный замок повесит.

Олег скатал бумажный лист в рулон, положил на верхнюю книжную полку и поднялся во весь рост, почти доставая макушкой до кирпичного свода.

— Я до вечера в верхний город уйду, — сказал он, накидывая поверх ватника длинный кожаный плащ. — Сдадите медь, сразу возвращайтесь сюда и заприте засов изнутри. Если Иван объявится раньше меня, никуда его больше не выпускайте.

Он даже не обернулся. Просто шагнул на нижнюю скобу и быстро полез вверх на мороз.

***

К четырём пополудни, когда Кочан с Люськой волокли за длинную бельевую верёвку по накатанному зимнику за товарной станцией старые детские санки со спинкой, стужа окрепла за двадцать, а над низиной уже поползла сизая вечерняя хмарь. На железных рейках санок под узлом лежали две тугие бухты обожжённой медной жилы.

Тропа к приёмке цветмета огибала высокий бетонный забор «Уралмехдетали» и выходила к старой плотине у замёрзшего заводского пруда.

В своём потёртом овчинном тулупе, перехваченном телефонным проводом, старик шагал слева от Люськи, впрягшись в ту же лямку, и тяжело сопел носом. Чтобы не закоченеть на ветру, он ещё в гаражном проулке, пока напарница чертыхалась над заедавшей молнией на куртке, втихаря приложился к спрятанной за голенищем початой чекушке. Сивушное тепло

мягко толкнулось под рёбра, уняло противную мелкую дрожь в пальцах, и Степана Фёдоровича потянуло похвастаться.

— Ты, Люська, глянь вон на тот гранитный бык под водосбросом, — заговорил он, махнув продранной рукавицей в сторону плотины, обросшей бурыми ледяными наплывами и паром от незамерзающей полыньи. — Сверху-то её при Советах бетонной рубашкой одели, а внутри до сих пор демидовские ряжи из кондовой лиственницы стоят, глиной да диким бутом набитые. Века простоят! А от нижнего шлюза под наш завод старая рудничная галерея уходит, мы оттуда воду на охлаждение третьей линии брали. Я весной восемьдесят седьмого, когда паводок нижние горизонты подтопил, по приказу главного инженера лично в тот рукав лазил…

Договорить он не смог. Водочный хмель дошёл до затылка и привычно сдернул с глаз мутную дневную плёнку.

На сером бетоне плотины и дальше, вдоль фундамента заводского забора, сквозь нетронутый декабрьский наст вдруг полезли тонкие, узловатые чёрные жилки. Они слабо пульсировали и вздрагивали на морозе в такт какому-то подземному толчку, словно под мёрзлой землёй вокруг «Мехдетали» расползалась живая гнилая плесень.

Во рту у Кочана мигом пересохло. Он сдернул рукавицу и голой ладонью с силой надавил на веки под очками. Не помогло. За последние два дня этой чёрной дряни у заводской стены стало впятеро гуще, она уже тянулась через дорогу к жилым баракам.

Тьфу ты, пропасть. Опять началось. Идёт ведь рядом Люська, нормальная трезвая баба, видит перед собой обычный серый сугроб да облупленную плиту. А тут примешь сто грамм, чтобы пальцы на ветру не крючило, и любуйся на эту ползучую падаль, из-за которой тебя в девяносто девятом году родная сестра в дурдом сдала и из трёхкомнатной квартиры выписала.

Люська почувствовала, что верёвка на плече резко потяжелела, оглянулась на застывшего с открытым ртом напарника и со злостью дёрнула узел.

— Ты, Степан Фёдорыч, опять за старое? — напустилась она на него, приседая у полозьев и перетягивая сползшую бухту медной проволоки. — Руки трясутся, в сторону косишь. Опять своих чертей по углам гоняешь? Борисыч узнает, что ты чекушку у ларька раздавил, из «Берлоги» выставит на мороз.

— Да не пьяный я, Люська, так, для поправки резкости сто грамм принял, — сипло оправдывался Кочан, потирая замёрзший висок и стараясь не коситься на дёргающиеся в снегу чёрные нити. — И не черти это вовсе. Черти с рогами да с хвостом положены, а тут… будто мазут живой по камню ползёт. Я на заводе восемнадцать лет гидравлику вёл, в восемьдесят седьмом сам магистраль глушил, у меня глаз чертёжный был! А теперь смотрю на стену и не знаю, то ли трещина в кирпиче, то ли белочка ко мне из девяносто девятого года вернулась…

— Ладно, инженер, вези санки, — устало махнула рукой Люська и первой навалилась плечом на лямку. — Потемнело уже, а Ванька Немой ещё с утра к заводскому оврагу за кабелем ушёл и как в воду канул.

За углом старой автобазы показались ржавые ворота приёмки.

Эта точка, как и все окрестные гаражные боксы, давно кормила бригаду Аркадия Лисовского по кличке Лис. В обычные дни у десятитонных весов под навесом вертелся горластый приёмщик Толик, который за каждый килограмм меди орал на всю улицу и крыл бродяг последними словами.

Сегодня за воротами стояла такая тишина, что было слышно, как гудит на столбе треснувший дроссель фонаря.

Толик жался в дверях своей фанерной будки, бледный, с посиневшими губами, и даже не вышел к весам. А посреди двора у распахнутых створок кирпичного склада стоял заляпанный грязью фургон с замазанными номерами. Двое рослых парней в расстёгнутых кожаных куртках, без шапок и рукавиц на двадцатиградусной стуже, молча таскали из кузова в подсобку какие-то тяжёлые, задубевшие на морозе брезентовые мешки.

Когда Кочан с Люськой прокатили санки мимо заднего борта фургона, один плохо перехваченный мешок соскользнул с плеча грузчика и тяжело стукнулся об утоптанный лёд. Из развязавшейся горловины наружу вывалилась окоченевшая рыжая лапа крупного бродячего пса со свалявшейся в колтуны шерстью, а следом показалась и вся продранная по хребту собачья туша.

Люська коротко ахнула, зажав рот варежкой, и вжалась в плечо старика.

Грузчик даже не выругался. Он медленно повернул голову на скрип их санок. Шея парня до самых скул была туго обмотана чёрным вязаным шарфом, но сквозь водочный хмель Кочан вдруг отчётливо разглядел то, чего не видела перепуганная Люська.

Над шерстяной кромкой за ухом парня под серой кожей шевелились и вздувались толстые угольно-чёрные жилы, точь-в-точь такие же, какие недавно пульсировали в снегу под заводским забором.

Глаза у грузчика были неподвижными и подёрнутыми мутной белесой плёнкой, будто у дохлой щуки на льду. Он посмотрел сквозь стариков, словно перед ним стояли пустые железные бочки, двумя пальцами ухватил мёрзлую собачью тушу за заднюю ногу, закинул обратно на плечо и унёс в темноту склада. Из распахнутых дверей на мороз пахнуло тяжёлым, сладковатым духом прелого зерна и лежалой падали.

Приёмщик Толик выскочил из будки боком, не взвешивая сгрёб с их санок обе медные бухты, сунул в похолодевшую ладонь Кочана несколько мятых сотенных бумажек и с перекошенным от страха лицом замахал руками, выталкивая их за ворота.

***

Обратно к теплотрассе они почти бежали. Санки подпрыгивали в колеях и гремели полозьями по шлаку.

Сумерки за воротами быстро сгустились в зимнюю темень. Ветер со стороны разрушенных цехов «Уралмехдетали» выл в провисших проводах и швырял в лицо колючую снежную крупу. У старика от быстрого шага свистело в бронхах и кололо под левой лопаткой, а перед глазами всё плыли мутные щучьи зрачки того парня с живыми чёрными венами на шее.

— Господи милостивый, Степан Фёдорыч, да на кой же ляд им мёртвые собаки сдались? — задыхаясь и поминутно крестясь поверх пухового платка, шептала Люська. — Я ж этого рыжего кобеля со шрамом на ухе у депо третий год знаю, его стрелочники супом кормили… Они что ж, всех бродячих псов по промзоне перебили?!

— Молчи, Люся, береги дыхалку, — хрипел Кочан, оглядываясь на чёрные провалы заводских окон за забором. Ему хотелось только одного. Добежать до их тёплого люка, свалиться вниз к горячим трубам, задвинуть чугунную крышку на засов и дождаться Борисыча.

За бетонным коробом эстакады Люська вырвалась на два шага вперёд и вдруг споткнулась, выронив из варежки верёвку.

Чугунная крышка их «Берлоги» была сдвинута наполовину. Из тёмного проёма в ночное небо столбом валил густой белый пар.

В двух шагах от открытого лаза на истоптанном снегу валялся туго набитый нарубленным свинцовым кабелем мешок Вани Немого, сшитый из старых брезентовых почтовых сумок. Рядом из сугроба торчали его тяжёлые арматурные кусачки с обмотанными синей изолентой ручками, с которыми немой великан даже спать ложился.

Самого Ивана у колодца не было.

Кочан подбежал к люку, кое-как выдрал из кармана тулупа маленький светодиодный фонарик-брелок и нажал на кнопку. Внизу на железных скобах показалось бледное, перекошенное от страха лицо Льва Ароновича. В руке историк сжимал тяжёлый газовый ключ.

— Степан Фёдорович! — срывающимся голосом крикнул из горловины Профессор. — Три минуты назад сверху о крышку грохнуло, Иван замычал, заскрежетало что-то по чугуну! А пока я с больной ногой до скоб добрался, наверху уже стихло всё!

Старик направил синеватый кружок света себе под ноги.

Снег вокруг колодца был изрыт до самой мёрзлой глины. Нагруженный тяжёлым кабелем Иван добежал до родного люка, но нырнуть в узкий лаз не успел и отчаянно отбивался у самого края шахты.

На белом насте чернели свежие дымящиеся брызги крови и валялся вырванный с ватой клок его клетчатого ватника. А поверх следов больших подшитых валенок, уходя широкой бороздой волока обратно к засыпанному шлаком заводскому оврагу, отпечатались десятки глубоких ямок от каких-то уродливых лап.

С виду они походили на крысиные, с пятью длинными голыми пальцами и кривыми когтями, только судя по ширине шага и глубине вмятин, каждая такая тварь была размером с хорошую сторожевую псину.

Глава 6

В «Берлоге» никто не ложился. На отцовских «Командирских» Степана Фёдоровича минутная стрелка давно перевалила за полночь, отсчитывая четырнадцатое декабря.

За то время, пока чугунная крышка наверху простояла сдвинутой после схватки, тёплый тупик крепко выстудило. Дежурная лампочка мигала вполнакала.

Люська забилась в угол на свёрнутый тюфяк Ивана, подтянула колени к подбородку и беззвучно шевелила губами, прижимая к подбородку мокрый от слёз угол пухового платка. Рядом на бетоне лежали занесённые сверху Ванин мешок с кабелем, тяжёлые кусачки и вырванный с серой ватой клок его клетчатого ватника в бурых, уже запекшихся пятнах.

Кочан устроился у железных скоб выхода на перевёрнутом ведре. Зажал в коленях длинный стальной гвоздодёр и виновато сопел носом.

Когда затащили с мороза порванный ватник Вани и Люська завыла в голос, у старика так заходились руки и заколотило под рёбрами от собственной вины, что он не выдержал. Откопал под матрасом припрятанный на чёрный день аптечный пузырёк со спиртом, разбавил водой из чайника и опрокинул залпом. Теперь от него за три шага несло больничной горечью.

Говорил один Лев Аронович.

От сквозняка и пережитого страха бывшего учителя истории било крупной дрожью. Поверх вязаной безрукавки он накинул своё старое пальто, то и дело поправлял на переносице узкие очки с треснувшей дужкой, перетянутой медной проволочкой, и листал на коленях толстую клеёнчатую тетрадь со своими архивными выписками.

— Я ведь, Олег Борисович, как вы эти пятипалые вмятины на снегу обмерили, сразу про старые горные ведомости вспомнил, — прерывисто, срываясь на дребезжащий кашель, заговорил Профессор и ткнул худым пальцем в исписанный фиолетовыми чернилами лист. — Когда здесь в тысяча семьсот шестьдесят восьмом при Никите Демидове нижнюю медную шахту углубляли, проходчики на двадцатой сажени пробили свод над какой-то странной каменной плитой. В приходской книге Старогорского острога то место окрестили порогом Хозяина горы. Писали, вся та плита в резаных знаках и в самую лютую стужу остаётся тёплой.

Привалившись плечом к кирпичной кладке, Олгар скрестил на груди широкие руки с въевшейся в пальцы угольной пылью и смотрел на расстеленный поверх ящика чертёж на куске обоев.

Никакого хозяина там не было. На сорокаметровой глубине демидовские рудокопы случайно вскрыли верхнюю камеру над одной из семи земных печатей, которой первые кузнецы Ордена три тысячи лет назад придавили здешнюю мировую Жилу.

— Что стало с той артелью? — спросил Олгар, не поднимая глаз от жирного угольного креста под третьим цехом.

— Скверно вышло, голубчик, — Лев Аронович хлебнул из алюминиевой кружки остывшего чая с чабрецом, расплескав пару капель на клеёнку тетради. — В ту же зиму две смены горняков в нижнем забое помешались рассудком. Повыходили из ствола на крещенский мороз босиком, со вздувшимися чёрными жилами на шеях, кидались с кайлами на заводскую стражу, а потом за три дня сгорели изнутри от какой-то чёрной горячки. Управляющий тогда велел завалить расселину диким камнем и залить известковым молоком. Да только в советское время, когда поверх старого рудника корпуса «Уралмехдетали» поставили, эта дрянь снова наружу просочилась.

Услышав про родной завод, Кочан на ведре у лестницы дёрнул плечом и поднял мутные, покрасневшие глаза.

— Ты про аварию пятьдесят четвёртого, Лёва? — сипло буркнул технолог, вытирая рукавом усы. — Мне про тот провал старый мастер Громов по пьяному делу рассказывал, когда я после института в цех распределение получил. Секретили тогда это дело крепко.

— Именно про пятьдесят четвёртый, Степан Фёдорович, — историк перелистнул страницу. — В ноябре того года под фундаментом третьего корпуса внезапно просела порода. Из нижних выработок пошёл тяжёлый сладковатый дух, бесследно сгинули шестеро проходчиков аварийной смены, а по стенам поползла чёрная маслянистая плесень. Тогдашний директор завода оказался мужиком крутым. Не дожидаясь комиссии из министерства, велел ночью поднять затвор верхнего шлюза на плотине и залить старые штольни под заводом ледяной водой из пруда под самую горловину. Зараза внизу сразу и затихла. Правда, к весне от такого напора воды поплыла подушка под главным кузнечным прессом. Пришлось воду тайком спускать через старую демидовскую водоотливную штольню в дальний овраг, а сам рабочий ствол засыпать горячим шлаком и заварить стальными листами.

Олгар медленно провёл загрубевшим пальцем по угольной линии на обоях, соединявшей плотину заводского пруда с подземными пустотами под третьим цехом.

Ледяная вода. Шестьдесят с лишним лет назад здешний директор вслепую нащупал нужное средство. Поток студёной воды из пруда ударил по проснувшейся на плите мелкой накипи, сбил ей дыхание и заставил свернуться обратно в камень.

Больше сидеть над бумагами было нельзя. Каждый лишний час уменьшал шансы найти немого Ваню живым. Олгар скатал чертёж, проверил в ножнах у пояса костяную рукоять Вешки и шагнул к железным скобам лаза.

Кочан с грохотом опрокинул своё ведро, нахлобучил облезлую ушанку и запахнул овчинный тулуп, перехватив обеими рукавицами стальной гвоздодёр.

— Ты остаёшься дома, Степан, — отрезал через плечо Олгар, ставя тяжёлый берц на нижнюю перекладину. — Задвиньте за мной засов изнутри и до утра никому не открывайте.

— Хрен я тебе тут останусь, Борисыч! — голос у старика сорвался на визгливый фальцет, но поперёк узкого прохода он встал с тем самым отчаянным упрямством, с каким пять лет назад кидался с кулаками на вокзальную шпану. — Это ведь из-за меня Ваньку утащили! Он с рассвета ради наших с Люськой санок к этому проклятому оврагу за кабелем попёрся, пока я за углом зенки заливал! Если его там сейчас заживо рвут, а я тут у тёплой трубы на боку лежать стану, мне ж потом кусок хлеба в горло не полезет. Не гони, Олег. Я все здешние канавы с восьмидесятых годов наизусть помню. Сзади пойду, слова поперёк не скажу.

Олгар посмотрел в его слезящиеся, полные упрямой стариковской вины глаза. Отшвырнуть старика силой значило устроить возню у самого выхода, да и в запутанных заводских оврагах память бывшего технолога могла сберечь полчаса поисков.

— Держишься в двух шагах за спиной, — негромко велел страж. — Скажу встать, врастаешь в снег на месте.

***

За бетонным коробом эстакады мороз сразу схватил за горло, на первом же вдохе слиплись ноздри.

Ветер к ночи стих, и широкая борозда волока на голубоватом под луной насте читалась без всякого фонаря. Олгар шёл впереди размашистым, мягким шагом, скрипя мёрзлыми полами кожаного плаща и держа правую ладонь у рукояти ножа. Позади, надсадно свистя прокуренными лёгкими и чавкая подшитыми валенками, семенил Кочан со своим гвоздодёром наперевес.

След пересёк пустырь, вильнул вдоль поваленной секции заводского забора и круто ушёл вниз, в глубокий, заваленный старым литейным шлаком и буреломом овраг.

По дну этого лога даже в тридцатиградусную январскую стужу бил из-под известнякового пласта незамерзающий родниковый ключ. Вода в нём зиму и лето держалась около четырёх

градусов тепла, поэтому над узким каменистым руслом курился густой белёсый пар. В десяти шагах правее ключа, врытый в заводской откос под обрывом, чернел полуразрушенный кирпичный свод старинного купеческого лабаза с просевшими створками оббитых жестью дверей.

На спуске в лог борозда волока обрывалась. Судя по глубоким ямам от огромных валенок, расшвырянному шлаку и тёмным каплям на снегу, здесь могучий Иван очнулся, сумел стряхнуть с себя насевших тварей и в отчаянии кинулся в тёмный проём купеческого подвала.

Олгар не успел спуститься по склону к площадке перед лабазом, как из зарослей мёрзлого репейника у стены донёсся частый дробный перестук когтей и мокрое, захлёбывающееся чавканье.

Из бурьяна навстречу им выкатились четыре приземистые сутулые туши.

Грызи. Слепая падаль низшего разбора, которую проснувшийся Первородный стряхивал со своей шкуры вместе с ошмётками переработанной плоти, чтобы та стерегла дальние подступы к Гнезду.

Твари были величиной с матёрую овчарку, совершенно лысые, обтянутые складчатой серо-чёрной шкурой, лоснившейся в лунном свете от студенистой слизи. Вместо глаз на узких вытянутых черепах бугрились сплошные костяные наросты, а длинные челюсти с кривыми жёлтыми резцами с хрустом щёлкали на бегу, жадно ловя запах живого человеческого тепла.

За спиной Олгара тонко всхлипнул Кочан, вскидывая обеими руками железяку.

Махать гвоздодёром старику не пришлось. Две передние твари, ошалев от голода, с разбегу сиганули с откоса на грудь охотнику.

Олгар даже не потянулся к Вешке. Лишь чуть подался корпусом вперёд, с силой выдохнул через стиснутые зубы и на один короткий удар сердца толкнул наружу жар своего Горна, добела раскаляя невидимый двухметровый предел вокруг тела.

Воздух вокруг стража на миг пошёл маревом без единой видимой искры.

Влетевшие в этот двухшаговый круг Грызи пронзительно, по-крысиному взвизгнули. Их мокрая слизистая кожа в одно мгновение пошла пузырями, полопалась вдоль хребтов и занялась изнутри тусклым рыжим тлением. Не долетев до груди Олгара и полуметра, обе туши ещё в полёте рассыпались в хлопья жирной серой золы, которая с противным шипением и вонью палёного сала осела в сугроб.

Кочан за спиной стража закашлялся от едкого дыма и согнулся пополам, едва не вывернув наизнанку выпитый спирт. У самого Олгара в ушах тонко зазвенело, под левой лопаткой заныло, а под рёбрами опять потянуло противной ледяной пустотой. Ещё одна горсть невосполнимого угля выгорела без возврата.

Две оставшиеся твари оказались умнее. Почуяв гибельный жар роющего, они с визгом заскребли всеми четырьмя пятипалыми лапами по мёрзлому шлаку и шарахнулись назад, к дну лога.

И тут Олгар увидел то, от чего сразу прищурился.

Пятясь от его огня вниз по склону, обе Грызи с разгона выскочили к узкому, в полшага шириной, парящему на морозе родниковому ключу. И встали на самом краю, не решаясь переступить через чистую ключевую воду.

Слепые твари скулили, пятились, тыкались костяными лбами вдоль ледяного бережка, не смея даже кончиком когтя тронуть быструю живую струю, хотя их собственные брюха и лапы до сих пор были по уши перемазаны тёплым мазутным илом из стоячего заводского отстойника.

Наконец задняя Грызь оступилась на камне и макнула лапу в студёный ключ. Чёрная слизь на её пальцах мгновенно побелела, пошла едкой пеной и слезла лохмотьями до голого мяса, словно в крутом щёлоке. Тварь взвыла, дёрнула обожжённой лапой и вместе со второй бросилась обратно вдоль берега по мёрзлому откосу, ныряя в тёмный проём купеческого подвала.

Олгар медленно опустил ладонь и посмотрел на бегущую по мелкой гальке прозрачную родниковую воду.

Он сразу вспомнил старый урок покойного Хальвара и их тяжёлую охоту на Твердынного Мимика в затопленных гранитных выработках на островах Ильмарры. Мёртвая стоячая гниль в городских трубах для демонической Накипи что родное болото. А вот живая, бьющая из глубоких каменных пластов студёная проточная вода в четыре градуса тепла, которая век за веком точит породу и несёт в себе естественное движение земли, разъедает и смывает чужую застойную чернь не хуже рунной стали.

Олгар поднялся по откосу от ручья и первым шагнул под низкий свод купеческого лабаза.

В подвале стояла сырая, затхлая темнота, под каблуками хрустела замёрзшая корка старого помёта и битого кирпича, и так разило крысиным мускусом вперемешку с вековой плесенью, что перехватывало дыхание. Охотник поднял левую кисть, с усилием выжал на кончики пальцев рыжую искру и сперва обвёл огнём все тёмные углы за кучами мусора. В каморке было пусто, обгоревшие твари успели убраться в какую-то щель.

Ивана в подвале тоже не оказалось. Отпечатки его огромных валенок и следы отчаянной возни обрывались посреди сводчатой комнаты перед сплошной задней стеной из старого дореволюционного кирпича.

Подойдя к ней вплотную, Олгар провёл свободной правой ладонью по шершавой, затянутой инеем кладке на уровне груди и нахмурился. Под пальцами был обычный мёрзлый кирпич и крепкий известковый раствор. Ни двери, ни заложенной арки.

Стоявший в двух шагах позади Кочан вдруг сдавленно икнул и попятился к выходу, судорожно придерживая на переносице съехавшие очки.

— Ты чего туда голой рукой лезешь, Борисыч?! — сипло зашептал старик, тыча дрожащим пальцем в совершенно пустую на взгляд Олгара кирпичную стену. — Там же нарост этот чёрный, коркой горелой, как губка шлаковая, в полстены до самого пола разросся! А внизу под его складкой дыра косая, в неё эти крысы лысые сейчас и шмыгнули!

Рука Олгара замерла у камня.

Он поднёс пальцы с горящей искрой Горна к самой кладке, почти касаясь кирпича огнём. Ни запаха, ни отблеска, ни малейшего шипения. Окаменевшая, мёртвая корка Накипи, которой Сеятель сверху прикрыл козырьком вход в старый дренажный рукав купеческого ледника, была совершенно слепой для чутья роющего и показывала его глазам морочную пустышку ровной кирпичной стены.

Молча протянув руку назад, охотник вытянул из трясущихся рукавиц старика тяжёлый стальной гвоздодёр, примерился и со всего маху всадил острый расщеп в нижнюю часть стены, куда указывал палец Кочана.

Под железом с треском лопнул пережжённый шлак. Вместо красного купеческого кирпича от кладки отвалился толстый, в добрую четверть пласт серой ноздреватой скорлупы, обнажая у самого пола широкий, обмазанный свежей чернильной слизью лаз в старый кирпичный коллектор.

Олгар опустил гвоздодёр к берцу и повернул голову к старику, пристально вглядываясь в его слезящиеся, полные смертного ужаса и неверия глаза.

— Значит, пять лет назад у приёмки тебе не привиделось, Степан, — негромко сказал страж.

— Так они… вправду есть? — у Кочана под полами тулупа мелко заходили ходуном колени, и он тяжело привалился спиной к кирпичному косяку входа. — Выходит, не со спирта это? Не спятил я в девяносто девятом году?

— Вправду есть, — Олгар перевёл взгляд на вскрытую чёрную нору у пола. — И под хмелем твои глаза видят эту мёртвую скорлупу там, где не вижу даже я.

Пригнувшись и выставив вперёд гвоздодёр, Олгар полез внутрь узкого сводчатого рукава, подсвечивая себе искрой на левой ладони.

Пройти удалось всего шагов пятнадцать. Дальше, под самой линией заводского забора, старый дренажный жёлоб упирался в свежий завал из обрушенных сверху бетонных блоков, переплетённых толстыми чёрными корнями.

Едва Олгар шагнул к преграде вплотную, живые отростки в камнях с тихим шипением выпустили струйки едкого дыма и втянулись глубже за бетонные глыбы, оставив перед охотником непроходимую пробку из битых плит и мёрзлой глины. Внизу у самого дна виднелась лишь узкая, в кулак шириной сточная щель, куда минуту назад и проскользнули гибкие Грызи.

Без взрывчатки или целого дня работы кайлом человеку здесь было не пробиться.

Опустившись на одно колено перед завалом, Олгар глубоко втянул ноздрями тянувший из-за камней тёплый воздух.

На сырой глине у самой щели рядом с вмятинами от когтистых лап и волоком Ваниных валенок чётко отпечатался глубокий след тяжёлого мужского сапога, которым кто-то изнутри упёрся в порог, затаскивая оглушённого здоровяка в заводской коллектор. Из-за обрушенных плит, перебивая крысиную вонь и живой испуганный пот немого великана, тянуло тем самым духом, каким несло из кокона самого Первородного и от пяти маслянистых мазков на бетонном столбе у третьего цеха.

Олгар поднялся на ноги и вытер испачканную в глине ладонь о полу плаща.

Всё сходилось. Пять часов назад здесь, у самой границы заводской ограды, мелкие твари передали Ивана в руки двуногих слуг Сеятеля, а те, утащив пленника в глубину, обрушили за собой свод.

Искать самого демона по запаху было бесполезно. Каждый засеянный им в городе человек пах теперь точно так же, как и сам хозяин Гнезда, вся подземная паутина под Старогорском фонила одним и тем же следом. Но раз верхний спуск через зумпф и этот боковой дренаж забиты камнем и корнями, ломиться туда в лоб не придётся. Люди с чёрными жилами на шеях каждую ночь сами таскали из города в нижнюю камеру живую добычу и собачьи туши, пользуясь другими скрытыми под мёртвой коркой ходами.

Оставалось только одно. С помощью глаз Степана нанести на карту города все их ночные тропы и найти точку, где эти линии сойдутся к действующей двери в Гнездо.

Глава 7

К шестнадцатому декабря мороз прижал знатно. Колючий восточный ветер гнал по дворам ледяную крупку, забивал её за шиворот и выдувал последнее тепло из-под одежды.

Пятиэтажка, куда Степан Фёдорович привёл Олгара в третьем часу дня, торчала в низине за товарной станцией. Вид у дома был такой, словно про него забыли ещё при Брежневе.

Облупленная зелёная краска на цоколе, кривые деревянные рамы в подъездах, у лавочек жёлтые, загаженные дворовыми псами сугробы.

Восемнадцать лет назад, до своего злополучного девяносто девятого года, на четвёртом этаже крайнего подъезда Кочан жил в родительской трёшке с балконом. Потом была психушка, сестра быстро оформила опекунство, а какие-то ушлые мордовороты с поддельными бумагами выписали пьющего инженера на улицу.

Олгар встал у ржавого козырька, сунул ладони в карманы кожаного плаща и скользнул взглядом по битым стёклам подвальных отдушин.

— Вон туда глянь, Борисыч, за трансформаторную будку, — вполголоса забормотал Кочан. Старик поминутно поправлял съезжавшие с мокрой переносицы очки и воровато косился на окна первого этажа, боясь встретить старых знакомых. Перед выходом из теплотрассы он для резкости отмерил в пластиковый стаканчик пятьдесят граммов разбавленного спирта, а теперь громко сосал дешёвый мятный леденец, стараясь перебить аптечный выхлоп. — Видишь, где труба из подвала лезет? Позавчера чистый кирпич был. А сегодня по низу будто мазутом густо намазали. И сюда, выходит, эта падаль добралась?

Присев у бетонной отмостки, Олгар окинул взглядом серый угол. Глаза роющего видели только мёрзлый кирпич да старый цемент. Зато в голове эта точка легла на вчерашнюю угольную схему точнёхонько по линейке. От заводского оврага через насыпь и в жилые дома.

Засеянные парни Лисовского осваивали подвалы окраины, выщупывая по тёплым углам бродяг и одиноких стариков.

В подъезде противно взвизгнула растянутая дверная пружина. На крыльцо шагнула невысокая женщина в тёмно-синем пуховике, накинутом поверх бордовой куртки скорой помощи. За её варежку держался тощий девятилетний пацан в вязаной шапке с помпоном. Свободной рукой мальчишка прижимал к пузу старый транзисторный «Океан» с надломленной антенной.

— Степан Фёдорович? — женщина устало прищурилась от летевшей в лицо снежной пыли. Под глазами у неё залегли тёмные синяки после суточного дежурства, лицо осунулось, но окликнула она старика по-доброму, без соседской брезгливости. — Вы чего тут на самом ветру мёрзнете?

— Здравствуй, Верочка, здравствуй, дочка, — засуетился Кочан, сдёргивая с лысины облезлую ушанку и мелко кивая. — Да мы так, мимоходом… Гляжу, Тимка твой опять с моим старым «Океаном» возится, что я ему по осени отдал. Что, брат, опять катушка отошла?

— Он с самого утра к гаражам бегал, вас высматривал, — вздохнула Вера Сомова и перевела взгляд на огромного бородача за плечом бывшего соседа.

Олгар сразу поймал этот быстрый, цепкий осмотр. Женщина привычно, по-фельдшерски скользнула глазами по его осанке, задержалась на трезвых зрачках, потом опустила взгляд на его широкие голые кисти со старыми белыми шрамами у запястий. Искала сбитые костяшки, наколки или синюшную пьяную отёчность. Не нашла и чуть заметно расслабила плечи.

— Зайдите хоть на пятнадцать минут, — она толкнула локтем железную дверь подъезда. — У меня суп с фрикадельками на плите горячий, а паяльник ваш с прошлого раза в кладовке на полке лежит. Тимка ведь с меня с живой не слезет, пока вы эту бандуру не почините.

— Дядя Степан, ну пошли! — заныл пацан, дёргая мать за подол пуховика и во все глаза пялясь на Олгара. Мальчишка вдруг шумно потянул носом морозный воздух, поморгал и выдал

на весь двор. — Мам, слышишь? От дяди пахнет как от печки у бабы Нины в деревне, когда она угли кочергой шурует. Дымком и утюгом горячим.

Вера смущённо шикнула на сына, потянув его в подъезд. Олгар только хмыкнул в усы и коротко, одним движением накрыл тяжёлой тёплой ладонью ребячью макушку вместе с помпоном.

Малец не врал. До двенадцати или тринадцати зим человеческий детёныш чужое зерно не берёт. Внутренняя шкура между плотью и миром у них ещё мягкая, не затвердела, поэтому семя Сеятеля в детской крови корней пустить не может, сразу выгорает или отторгается. Зато любую подземную гниль малышня чует за версту, как сквозняк из гнилого погреба, а к живому теплу Горна тянется без страха.

На третьем этаже пахло жареным луком. В узком коридоре под сапогами Олгара жалобно прогнулась рассохшаяся под линолеумом половица. Пока довольный Кочан, устроившись на табуретке у вешалки, тыкал раскалённым жалом паяльника в нутро приёмника и вонял на всю прихожую горелой канифолью, Олгар сидел на маленькой кухне. Локти его кожаного плаща слегка прилипали к старой цветной клеёнке на столе. Он молча черпал алюминиевой ложкой обжигающий суп, чувствуя, как горячий бульон разливается по пустому животу, хотя холодная дыра под грудиной от земной еды меньше не становилась.

— Вы уж простите, что я внизу так уставилась, Олег, — негромко сказала Вера. Она присела на краешек табурета у батареи с кружкой чая и устало потёрла ладонью затёкшую шею под воротником. — Степана Фёдоровича я с детства знаю, он мужик безвредный, хоть и сгубил себя водкой. Просто в городе последнюю неделю творится чёрт знает что. У нас на подстанции старые фельдшера уже по ночам на вызовы ездить боятся.

Олгар облизал ложку, положил её на край тарелки и посмотрел на хозяйку.

— Что на вызовах?

— Покойники из отделения бегают, вот что, — она криво усмехнулась, глядя в мутное окно, за которым уже сгущалась четырёхчасовая декабрьская синева. — Позавчера ночью с промзоны мужика в приёмник доставили. Подобрали в снегу без куртки и босиком. Градусник сунули, там сорок один и шесть, вены на шее чёрные, пальцем не продавишь, будто кабель под кожу зашили. Сам лежит бревном, в потолок смотрит и не моргает. Наш санитар полез ему капельницу ставить, так этот клиент его за кисть цапнул и одним сжатием обе кости предплечья с хрустом сломал. Открытый перелом луча. А к часу ночи у него остановка сердца, на мониторе ровная полоса. Врач смерть констатировал, тело на каталке в наш больничный морг при корпусе свезли до утра. В семь приходят санитары, а железная дверь секционной изнутри выбита. Замок с мясом вырван, бирка с ноги на кафеле валяется, и через выбитое окно во двор босые следы по сугробам.

Она замолчала, отпила остывший чай и поморщилась. В прихожей радостно затрещал динамик ожившего «Океана», перекрытый гордым кряхтением Кочана.

Олгар коротко поблагодарил за хлеб и поднялся из-за стола. Первые засеянные после трёхдневной ломки вставали на ноги по всему городу.

***

Назад к теплотрассе пробирались уже впотьмах, нижней тропой через пустырь и старый заводской овраг.

Ветер к ночи совсем выдохся. На дне глубокого лога под известняковым обрывом курился белым паром незамерзающий родниковый ключ. Мёрзлый литейный шлак под подшитыми валенками Кочана громко хрустел на всю округу. Старик после горячего супа размяк, ковырял пальцем застрявшую в зубах горошину перца и без умолку бубнил под нос про советские транзисторы, которым сносу нет, если б не паршивая пайка.

Они уже спускались по обледенелой тропке к каменистому руслу ключа, когда на том берегу в зарослях сухого репейника громко хрустнул бурьян. Следом из темноты донеслось тяжёлое, захлёбывающееся мычание.

Кочан поперхнулся на полуслове и чуть не выронил из рукавицы фонарик.

Ломая грудью высокую полынь, на свет вывалился пропавший трое суток назад Немой Ваня.

Клетчатый ватник на верзиле висел драными клочьями, серая вата торчала наружу. Шапки не было, волосы слиплись от инея, а большие валенки превратились в сплошные ледяные болванки. Иван дышал с надрывным свистом, будто в горле у него застряла кость. Круглое лицо осунулось и почернело, глаза глядели мутно и бессмысленно, а из-под разорванного ворота рубахи по всей шее до самых мочек ушей ползли толстые угольные вены.

Синеватый луч фонарика мазнул по его щеке. И вдруг в мёртвых, затянутых плёнкой зрачках великана мелькнула живая человеческая мука. Он узнал старый овчинный тулуп Кочана, жалобно, по-телячьи замычал и потянул к старику разбитые, с сорванными в мясо ногтями ладони. Просил вытащить его из беды.

— Ванька! Живой, дурень ты мой! — взревел технолог и кинулся к нему через ручей по скользким валунам.

Олгар в два прыжка настиг старика, выходя на берег ключа. Невидимый двухметровый круг его внутреннего тепла накрыл прибрежные кусты.

Немой Ваня будто с разбегу налетел грудью на раскалённый рельс.

Богатырь страшно, с розовой пеной на губах сипнул, вцепился обеими пятернями себе в горло и повалился коленями в сугроб.

Трёхдневное зерно под его рёбрами не сгорело, прикрытое толщей живого человеческого тела. Но от близости печного дыхания роющего тварь внутри Ваниной груди скрутило, перекрывая глотку и рвя сердечную мышцу. Иван повалился на бок, задыхаясь от чужого животного ужаса, забил ногами по мёрзлому шлаку и на четвереньках пополз вверх по склону, подальше от единственного человека, способного выжечь эту пакость из его жил.

— Ваня! Стой, дурной, это ж свои! — заорал Кочан, бросаясь за ним по сугробам.

— Не догоняй вплотную! — рявкнул Олгар. Он сам отступил назад на пять шагов и прижал ладонь к грудине, насильно давя в себе жар Горна, чтобы не рвать немого аурой. — Ему не от меня больно. Тому, что в нём сидит, от меня тесно!

Но ослепший от внутренней рези Иван уже ничего не соображал. Он вскочил на ноги, шарахнулся вбок вдоль крутого обледенелого откоса, поехал каблуком по голому льду и с тяжёлым плеском рухнул спиной вниз, провалившись по самые плечи в бурлящее устье родникового ключа.

Быстрая четырёхградусная струя сбила стокилограммового детину с ног. Ваня захлебнулся, бестолково замолотил руками по воде и камням, барахтаясь в студёном потоке больше минуты. Олгар с разбегу сиганул на береговой валун, ухватил его за мокрый загривок ватника и одним рывком, напрягая спину, выдернул тяжёлое тело на берег.

Иван распластался на снегу, со свистом хватая перекошенным ртом морозный воздух, плевался ключевой водой и трясся в таком диком ознобе, что стучали зубы.

Подскочивший сзади Кочан дрожащей рукой посветил фонариком ему на подбородок и осел в снег.

— Борисыч, глянь на шею! Чёрная сетка-то… побледнела! Почти сошла!

Олгар упал на колено рядом и вдавил загрубевшие пальцы в ледяную, мокрую шею немого. Под синей гусиной кожей, в ямке у самой ключицы, всё ещё катался под пальцем твёрдый холодный шарик с вишнёвую косточку. От него вглубь груди уходили притихшие корни. Огонь под рёбрами самого охотника отозвался на этот узелок слабым откликом, но пробиться к нему сквозь остуженное живой водой мясо сейчас не мог.

Страж скосил глаза на быструю прозрачную струю ключа, курившуюся в темноте белым парком.

— Не сошла, — буркнул он, поддевая мокрого, колотящегося Ивана под левую подмышку. — Только притихла на час от живой студёной воды. Выжечь я сейчас могу, но если он снова туда пойдёт… Бери его под руку, ведём в «Берлогу», пока эта дрянь внутри него спит.

***

На сорокаметровой глубине, распластавшись по тёплой рунной плите под третьим цехом, Шаргат лениво шевельнул пучком слепых корневых отростков.

Час назад он сам вытолкнул большого немого из нижних штреков на мороз, придержав его волю на длинном поводке. Старая память должна была привести подранка к норе того, кто жёг его детей в овраге.

Только что наверху это зерно вдруг сжалось от нестерпимого печного зноя, а следом ослепло и оглохло, залитое студёной ключевой водой. Нить ослабла до тонкого, еле слышного в камне звона.

В глубине распухшей от свежей падали туши Первородного прокатилось низкое, сытое бульканье.

Перед тем как упасть в живую воду, большой немой на последнем издыхании своей куцей памяти сам тянулся лапами к людям охотника. А сторож с углём в груди не перерезал заражённому глотку на месте, как велел закон его старых хозяев, а выволок из ручья и поволок на собственном горбу в своё логово.

Угрюмый рудокоп оброс в этом мёртвом городе привязанностями. Жалел калек и стариков. А любая жалость к слабым для того, кто умеет ждать в темноте, лучше всякого лома. Остаётся только дождаться, когда подгнившая опора рухнет сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.